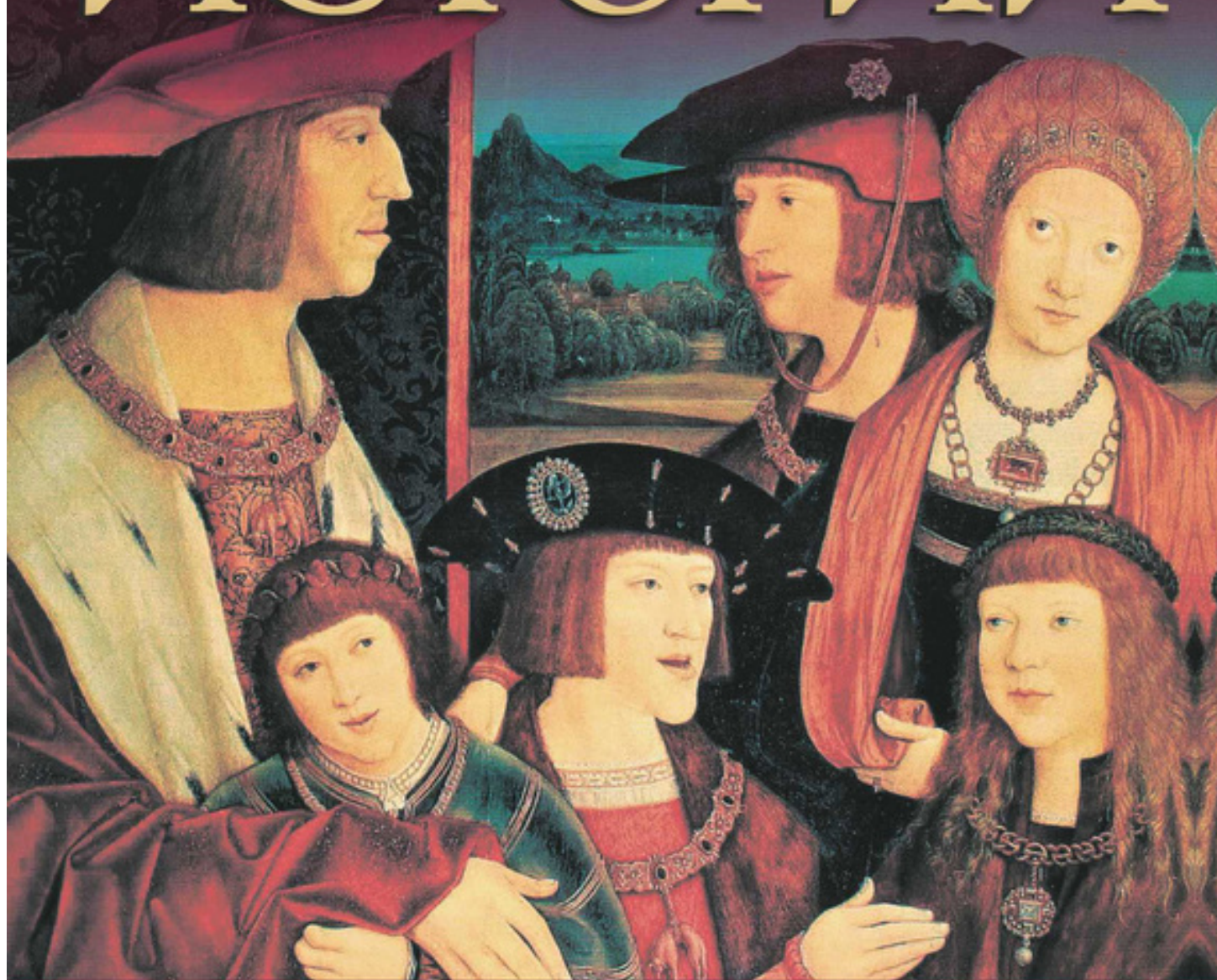

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ

ДИНАСТИЯ. ВОСХОЖДЕНИЕ • ПРАЖСКИЙ ОТШЕЛЬНИК
• ТЕЩА И СВЕКРОВЬ ВСЕЙ ЕВРОПЫ • МОЦАРТ — ЯВЛЕНИЕ
ГЕНИЯ • НЕСЧАСТЛИВАЯ ИМПЕРАТРИЦА

Загадки истории (Фолио)

Анна Ермановская

**Загадки истории.
Империя Габсбургов**

«Фолио»

1917

ББК 63.3(4)

Ермановская А. Э.

Загадки истории. Империя Габсбургов / А. Э. Ермановская —
«Фолио», 1917 — (Загадки истории (Фолио))

ISBN 978-966-03-7739-4

История династии Габсбургов начинается с легенды о воронах-спасителях, которые из-за того, что один из рода не сдержал клятву, стали вестниками несчастий и смерти для представителей династии. Это семейство правило Австрией с 1278-го по 1918 год, Священной Римской империей – с 1438-го по 1806-й, а Австро-Венгрией с 1867-го по 1918-й. Среди Габсбургов были и просвещенные монархи, как, например, Максимилиан II, и мистики вроде Рудольфа II; те, кому пришлось совсем недолго носить корону, как Альбрехту III, и те, кто правил «долго и счастливо», как Мария Терезия. Но однажды, говорят, стая воронов пролетела над Сараевом, раздался выстрел – и началась война, в результате которой рухнула не только империя Габсбургов, но и многие другие. Мечта Габсбургов об объединении Европы под их скипетром ушла в небытие. Но прошло много лет, и Европа все-таки стала единой, родился Европейский Союз, у истоков которого стоял и Отто фон Габсбург, потомок императорской династии.

ББК 63.3(4)

ISBN 978-966-03-7739-4

© Ермановская А. Э., 1917

© Фолио, 1917

Содержание

Династия. Восхождение:	5
Пражский отшельник:	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Эдуардовна Ермановская

Загадки истории

Империя Габсбургов

Династия. Восхождение: Как замок Хабихтсбург превратился в Габсбург

Династия Габсбургов правила в Австрии в период с 1282-го по 1918 год, в Венгрии и Чехии – в 1526–1918 годах, в Испании – с 1516-го по 1700 год, а в Нидерландах – в 1477–1794 годах. Среди ее представителей было несколько императоров Священной Римской империи германской нации. Так что недаром тогда считалось – Австрия призвана править миром...

Габсбурги, по мнению большинства историков, были выходцами из Эльзаса – пограничной области между германским и романским мирами.

Первыми, кто облюбовал земли по левому берегу Рейна, были галлы, обратившие внимание на эльзасские просторы во время военных походов. Галлы поселились вдоль Рейна, в водах которого ловили лосося, форель и алозу, серебристую рыбку из семейства сельдевых.

Юлий Цезарь добрался до Эльзаса через полторы тысячи лет после галлов. Вдоль берега Рейна римляне построили укрепленные лагеря, обозначив северо-восточную границу империи. Римляне дали понять, что они здесь надолго – основали город Аргенторат, переименованный затем в Страсбург, и взялись за производство главного напитка античности – вина, превратив пологие рейнские берега в виноградники. Следующими, кто оказал влияние на эльзасскую культуру, были алеманны и франки. В V веке алеманны выгнали с Рейна римлян, основали свои города и преобразовали язык германских племен в местный диалект, на котором в Эльзасе говорят и сегодня. Так как Эльзас является частью Франции, согласно конституции, там лишь один официальный язык – французский, что не мешает половине жителей Эльзаса изъясняться на эльзасском.

Под франками регион находился с V по IX век, став классическим феодальным государством. Но главное событие произошло в VI веке – Эльзас уверовал во Христа.

После раздела франкских земель между внуками Карла Великого в IX веке Эльзас оказался на территории Восточно-Франкского королевства, ставшего впоследствии Германией. Целых восемь веков Эльзас был немецким регионом, и основал Габсбургскую династию эльзасский уроженец и швабский граф.

Конечно, вопрос о происхождении этой династии довольно запутан: во-первых, из-за отсутствия документов, во-вторых, его запутывали сознательно – для решения политических задач своего времени.

По наиболее ранней версии, возникшей в конце XIII – начале XIV века, Габсбурги были связаны с патрицианским родом Колонна, который вел свое происхождение от римских императоров династии Юлиев, от самого Гая Юлия Цезаря. Рождению этого мифа способствовал простой факт: избрание в 1273 году германским королем Рудольфа Габсбурга, не принадлежавшего к числу знатных вельмож, вынуждало «порождать» благородную родословную.

Позднее возникла еще одна теория, согласно которой предками Габсбургов были короли франков из династии Меровингов (V–VIII вв.). По мнению франкского хрониста Григория Турского, Меровей был сыном Хлодиона Длинноволосого, легендарного вождя салических франков (предположительно 427–447 гг.). Под его командованием франки перешли Рейн в его нижнем течении и вторглись во владения Римской империи. Однако народный эпос приписывал Меровею божественное происхождение – от какого-то морского чудовища. В 451 году

франки под предводительством Меровея сражались на Каталаунских полях вместе с римлянами и вестготами против гуннов Аттилы.

Через Меровингов корни рода связывали Габсбургов с легендарными героями античных мифов: средневековые хронисты писали о том, что короли франков вели свой род от троянцев, которые выжили после падения Трои и прибыли в незапамятные времена на территорию Галлии. Хотя в легендах существуют многочисленные расхождения, но чаще всего предками Меровингов называли царя Приама или героя Троянской войны Энея.¹ Именно эта концепция, в силу легитимизации притязаний Габсбургов в качестве наследников Каролингов и Меровингов, наиболее приглянулась императору Максимилиану I Габсбургу, который в конце XV – начале XVI века как наследник бургундских герцогов вел борьбу с французскими королями из династии Валуа. Существовала еще и третья версия, возникшая в начале XVIII века благодаря генеалогическим изысканиям ганноверского библиотекаря Иоганна Георга Эккарда и ученого монаха Маркарда Херрготта. Они называли предками Габсбургской династии герцогов Алеманских, изначально бывших вождями группы германских племен, область обитания которых впоследствии вошла в состав империи Карла Великого.

Алеманские герцоги считались общими предками Габсбургов и герцогов Лотарингских. После того как в 1736 году дочь и наследница императора Карла VI Мария Терезия вышла замуж за Франца Стефана Лотарингского, использование этой версии освятило новый Габсбургско-Лотарингский дом исторической традицией и Божьим предопределением. Эта теория послужила также и обоснованием тогдашних габсбургских претензий на верховенство в германских землях: кому, как не потомкам древних германских князей, надлежало править Германией?

Конечно, современным ученым совершенно очевидно «утилитарное» предназначение всех этих генеалогических деревьев: они слишком явно соответствуют определенным этапам габсбургской политики, что и заставляет усомниться в их достоверности. Кроме того, период раннего средневековья беден на документы и достоверные свидетельства, поэтому вопрос о происхождении австрийского дома, очевидно, навсегда останется открытым.

Подлинная история этой семьи ведет свой отсчет с середины X столетия, когда жил первый Габсбург, который так себя еще не называл, потому что географическое название, давшее имя династии, появилось позднее. Реально существовавшим первым Габсбургом был Гунтрам Богатый. Он происходил из Эльзаса, а его владения первоначально располагались в Швабии – графства Мури и Брейсгау. Из современных ему источников об этом человеке мало что известно, но он считается отцом Ланцелина и дедом Радбота, основателя замка Габсбург. Точно установлено, что Гунтрам был дважды женат: его первой женой стала Бригантина, графиня Монфор, а второй – графиня Кальви Ита, и имел, по крайней мере, одного сына. Вероятно, Гунтрам был третьим сыном знатнейшего дворянина в Эльзасе Гуго I, графа Нордгау, графа Эльзаса, Ортенау, Аргау, Гогенберга и т. д., и Хильдегарды, графини Феррет. Он происходил из династии Эберхардингеров, ветви знатного франкского рода Этихонидов. Предком этого рода был Этихо, герцог Эльзаса.

Гунтрам получил от отца Эльзас и некоторые другие владения, в том числе и графство Зундгау, где пресеклась местная правящая династия. Его брат Эбехард IV стал графом Нордгау и ряда других земель. Таким образом, владения рода Этихонидов охватывали весь Эльзас, а также ряд швейцарских земель.

¹ В XX веке появилась еще одна версия происхождения Меровингов – религиозно-мистическая. Английские исследователи М. Байджент, Р. Лей и Г. Линкольн в своей книге «Священная загадка» выдвигают теорию, согласно которой род Меро-веев ведет свое происхождение от детей Иисуса и Марии Магдалины, которых они считают мужем и женой. После смерти Иисуса Мария Магдалина с детьми от Иисуса и Иосиф Аримафейский прибыли на юг Европы в Массалию (современный Марсель). Именно от детей Марии и Христа и пошел род Меро-веев – Меровингов, королевей-священников.

С именем основателя династии Габсбургов связано и сохранившееся в средневековых источниках одно из первых, письменно зафиксированных упоминаний о феодальной зависимости крестьян. В 940 году Гунтрам Богатый вместо условленной за защиту платы потребовал от крестьян деревни Волен работы на своем поле, а когда те отказались добровольно исполнять его желание, принудил их к тому силой (впоследствии такое явление получило название барщины).

В 952 году император Священной Римской империи Оттон I конфисковал за измену у Гунтрама графство Брейсгау, Тургау и владения на Нижнем Рейне, а также графство Эльзас, при этом позволив его братьям Эберхарду IV и Гуго IV владеть аббатством Люре. К этой дате относится первое упоминание о Гунтраме Богатом и о Габсбургах вообще. Графом Эльзаса стал племянник Гунтрама Адальберт II.

По иронии судьбы Гунтрам вошел в историю как противник германского императора – обладателя того самого титула, который впоследствии будут носить 19 потомков прародителя Габсбургов. Но опала, которой подвергся Гунтрам Богатый, вероятно, не была полной – и сам первый Габсбург и его потомки проявили недюжинную энергию в восстановлении утраченного богатства и приобретении нового. Род эльзасских землевладельцев не затерялся во мгле средневековой истории и от поколения к поколению приобретал все больший вес, влияние и известность.

В конце X века потомки Гунтрама Богатого появляются в Швейцарии. Внук Гунтрама граф Ратбод основал в Мури, в 30 километрах от Цюриха, монастырь, где впоследствии было похоронено большинство представителей старших поколений Габсбургов. Есть сведения о том, что Габсбурги состояли в отдаленном родстве с французской королевской династией Капетингов: супруга Ратбода Ита, возможно, была племянницей Гуго Капета – основателя рода Капетингов. В 1023 году Ратбод упоминается в одной из местных хроник как «граф фон Клеттгау» (область к северу от верховьев Рейна). Тогда же на слиянии рек Ройсы и Ааре южнее Базеля Ратбод заложил замок Хабихтсбург (в переводе с немецкого Habichtsburg – Ястребинный замок; это не единственный вариант перевода), название которого позднее превратилось в Habsburg – Габсбург. По преданию, во время соколиной охоты сокол (подсемейство ястребиных) опустился на стену замка. Однако происхождение имени Габсбургов скорее всего гораздо более прозаично: замок Ратбода находился неподалеку от старой пристани («хаб» или «хав» на древнегерманском). К тому же в семейных преданиях Габсбургов фигурируют не ястребы, а вороны. Разные народы в разные времена относились к этим представителям птичьего царства по-разному. В средневековой Европе их образ рождал самые мрачные ассоциации, и поэтому за черным вороном прочно закрепилась репутация вестника зла. Это нашло отражение во многих преданиях и легендах. Из лачуг простого люда суеверия переходили во дворцы знати. Своя легенда о черных птицах жила и среди представителей рода Габсбургов.

Эта таинственная история восходит к середине X века, приблизительно к тому времени, когда в Восточной Европе Киевский князь Святослав одерживал свои победы над печенегами, хазарами и византийцами. В ту пору на юге Германии жил граф фон Альтенбург.

Он был богат и умножал свое состояние, присоединяя к своим владениям все новые и новые земли. Один из таких земельных наделов располагался вблизи горы Вюцельс. Однажды граф устроил здесь большую охоту. Он так увлекся преследованием зверя, что не заметил, как оторвался от своей свиты.

Разгоряченный фон Альтенбург оказался на вершине горы, усеянной гнездами огромных грифов. Стервятники набросились на графа. Дитрих отбивался копьем и мечом, но едва несколько птиц падало под его ударами, как на их место прилетали новые. Привлеченные запахом крови сородичей, омерзительные падальщики слетались на вершину Вюцельса отовсюду, кружились вокруг графа, как дьявольский ураган. Дитрих изнемогал, а помощи все не было. И тогда он вознес молитву: «Помоги мне, Боже! Не дай этим мерзким тварям склевать меня!» В

ответ на его слова в небе вдруг раздался шум, возникла странная черная туча, устремившаяся ему навстречу. При ее приближении граф понял, что это стая необычайно больших иссиня-черных воронов. Они обрушились на грифов и принялись клевать и рвать их сильными когтистыми лапами.

Вскоре все было кончено. Тела стервятников усеяли склоны гор. Неожиданные спасители графа расселись на окрестных скалах. Фон Альтенбург преклонил колени и возблагодарил Всевышнего. Через какое-то время подросли рыцари и слуги из свиты. Увидев страшных грифов и выслушав рассказ графа, они тоже стали читать благодарственные молитвы. Позже в честь своего чудесного спасения фон Альтенбург приказал построить на вершине Вюцельса большую башню, чтобы вороны-спасители и их потомки всегда могли найти здесь себе приют. Рыцари графа поклялись подкармливать птиц, если в том возникнет нужда.

В тот год, когда было завершено строительство башни, в замке графа неожиданно появился незнакомый монах. «Я принес тебе радостную весть, мой повелитель! – сказал он с поклоном. – За то, что ты не оставил без благодарности своих крылатых спасителей, Господь дарует тебе свою милость. В сей миг я пророчествую: отныне не только у тебя, но и у всего твоего рода будут крылатые охранители – вороны. Они станут защищать людей и посевы, облетая дозором твои владения. И ты всегда можешь на них положиться».

С тех пор черные птицы отгоняли непрошенных гостей, будь то разбойники или полчища грызунов, истреблявших посевы. Даже вредные насекомые не появлялись больше в угодьях графа. Однако ничто не вечно под луной. Спустя сто лет потомки графа уже и не вспоминали, для чего и по какой причине построена башня у вершины горы Вюцельс.

Не вспоминали, пока однажды в тех местах не появился Вернер Альтенбургский, епископ Страсбургский. Внимательно осмотрев со всех сторон башню, он велел собрать строителей:

– Такое прекрасное место во владении моих предков не должно пропадать. Здесь надо воздвигнуть замок. А птиц я прикажу слугам изгнать – отравить или перерезать.

Местные старожилы напомнили епископу, что вороны некогда спасли жизнь его имени-того предка, зывали к чувству долга, но все было тщетно. И тогда на торжествах по поводу начала большого строительства вновь появился таинственный черный монах. «Не начинай работ! – грозно предупредил он епископа. – Иначе впереди – несчастье!» Вернер лишь топнул ногой в гневе и приказал слугам задержать строптивца. Черная ряса монаха колыхнулась, взметнулись вверх рукава – и епископу показалось, что перед ним стоит огромный разъяренный ворон. Через мгновение чернец растворился в воздухе, и только из-под балок на потолке разнеслось: «Если изгонишь птиц, вороны превратятся из охранителей твоего рода в вестников несчастий!»

Вернер Альтенбургский первым испытал на себе силу проклятия. Всего через несколько лет после окончания строительства замка Габсбург над каретой епископа пронеслась однажды стая воронов с горящими красными глазами. Испуганный до полусмерти, служитель церкви тяжело заболел и вскоре скончался.

Время шло. Замок, вопреки предупреждению монаха, был построен. Назвали его Габсбург. Богатство и влияние славного рода Габсбургов, как теперь стали именовать себя потомки фон Альтенбурга, с годами только возрастало. Но для всех представителей знатного семейства с момента памятного пророчества монаха черные вороны стали вестниками несчастий. В роду даже родилось поверье: если увидишь в небе сразу семь этих птиц – считай, что тебе подписан смертный приговор. В годы щедрой на расправы французской революции огромные черные вороны были замечены во время казни Марии Антуанетты. После этого случая зловещие птицы всякий раз появлялись в сопровождении призрака женщины в белых одеждах.

Есть еще одна легенда, связанная с проклятием Габсбургов. Одним из первых владельцев замка был герцог Вернер фон Габсбург. Он соблазнил молодую девушку, поклявшись, что женится на ней. Но вельможа обманул несчастную, так как уже был обручен с дочерью знат-

ного дворянина. Девушка забеременела, и всё могло открыться. В этом случае был бы страшный скандал, а герцога посчитали бы бесчестным человеком. Ему оставалось либо бежать из страны, либо броситься на меч. Вполне естественно, что такой сценарий развития событий Вернера не устраивал. Поэтому он решил уничтожить все следы своего сладострастного преступления.

Девушку схватили и заточили в темницу. Ее приковали цепями к стене и стали ждать, когда она умрёт от голода и жажды. В этом кошмаре несчастная родила ребенка и, медленно погибая вместе с ним, прокляла герцога и весь его род. Тем временем виновник жуткого преступления сыграл пышную свадьбу и отправился вместе с женой на охоту. Собаки подняли дикого вепря, и тот бросился прочь от них. На его пути и оказался герцог Вернер фон Габсбург. Огромный матерый зверь весом более 300 кг пропорол злодея своими клыками. С разорванным животом и вывалившимися внутренностями герцог упал на землю и скончался в страшных мучениях. И в этот же самый момент в темнице умерла несчастная девушка, прижимая к груди мертвого ребенка. Но наложенное на род Габсбургов заклятие не насытилось одной смертью. За 900 долгих лет правления в истории этой династии были и убийства, и трагедии, и преступления.

По средневековому обычаю, перед смертью Ратбод разделил имущество между своими сыновьями. Самый известный из них, Вернер (умер в 1096 году), перестроил монастырь в Мури и был активным участником конфликтов между римскими папами и императорами Священной Римской империи. Интересно, что Габсбурги вновь выступили против императорской власти: Вернер был сторонником Папы. Его сын, внук Ратбода, Отто I (умер в 1111 году), может считаться первым «настоящим» Габсбургом, поскольку именно он стал именоваться графом фон Габсбург – по названию родового гнезда. При нем, его сыновьях и внуках семья неуклонно укрепляла свои позиции среди германской знати. Альбрехт, внук Отто, был в неплохих отношениях с императором Фридрихом Барбароссой, который отдал ему значительную часть выморочных владений графского рода Ленцбургов в нынешних кантонах Швиц, Унтервальден и Люцерн. Постепенно Габсбурги превратились в наиболее крупных землевладельцев Северной Швейцарии. Сын Альбрехта Рудольф приплюсовал к этим поместьям земли в Швабии, переданные ему императором Фридрихом II (император был крестным внука Рудольфа), на сторону которого в междоусобной войне Габсбург успел вовремя перейти.

В следующем поколении род Габсбургов впервые разделился на две ветви. Сыновья Рудольфа II, Рудольф (III) и Альбрехт (IV), поделили между собой родовые земли. Альбрехт стал родоначальником главной, или королевской, линии, к которой принадлежали впоследствии короли и императоры. Рудольф основал младшую, лауфенбургскую, ветвь династии, пресекающуюся в 1415 году. К тому времени Габсбурги были хоть и достаточно богатой и сильной, но все же второразрядной семьей. Они не принадлежали к избранному кругу имперских князей-курфюрстов, не имели связей с царствующими домами Европы (если не считать вышеупомянутого не совсем достоверного родства с Капетингами), а их земли были не отдельным княжеством, а набором рассыпанных по центру Европы, от верхнего Эльзаса до Швейцарии, относительно небольших ленных и наследственных владений.

В то же время с каждым поколением социальный статус Габсбургов повышался, а их влияние росло. Альбрехт IV (умер около 1240 года) располагал связями при императорском дворе, некоторое время служил комендантом крепости Страсбург и, наконец, заключил выгодный брак с представительницей рода Кибургов – наиболее влиятельного, наряду с самими Габсбургами, семейства в тогдашней Швейцарии. Это один из первых примеров знаменитой брачной политики Габсбургов, выраженной впоследствии лозунгом *Bella gerant alii, tu felix Austria nube* («Пусть воюют другие, ты, счастливая Австрия, заключай браки»). Эта династия всегда предпочитала добиваться приращения своих владений путем выгодных с политической точки зре-

ния брачных союзов. Впрочем, как мы увидим дальше, в случае необходимости воевать Габсбурги тоже умели – и именно мечом добыли себе «счастливую Австрию», ставшую на 600 с лишним лет сердцем их обширных владений. В 1218 году у Альбрехта IV родился сын Рудольф.

Ему предстояло первым из Габсбургов носить корону Священной Римской империи. Но это, как оказалось, было отнюдь не венцом семейных успехов, а скорее первым промежуточным финишем – и в то же время началом восхождения Габсбургов к европейскому господству.

Последней великой германской императорской династией «классического» средневековья были Гогенштауфены. В 1250 году умер последний император из этого рода, Фридрих II, и большинство немецких князей, вновь ставших к тому времени хозяевами положения в Германии, перешло на сторону его противника Вильгельма Голландского. Сын покойного императора, Конрад IV, увяз в Италии, где вел борьбу с многочисленными врагами. После того как в 1254 году совсем еще молодой Конрад неожиданно скончался от лихорадки, а два года спустя не стало и Вильгельма, в империи, пришедшей в полный упадок, начался период междуцарствия. Смута закончилась только в 1273-м, когда под давлением папской курии курфюрсты избрали новым королем Рудольфа I Габсбурга, вошедшего в историю династии под именем Рудольфа Старшего, или Рудольфа Предка. В октябре 1273 года он был коронован в Ахене – древней столице Карла Великого. Как свидетельствуют Швабские анналы: «В 1273 году Господнем, когда Римское государство на протяжении долгих времен прозябало без императорского управления, словно стонущий от запустения ближний, всегда щедрая милость Божья обратила взор с небес на землю, и во Франкфурте римским королем был избран граф Рудольф фон Габсбург, и вместе со своей женой Анной торжественно возведён на трон в Ахене».

Рудольф I Габсбург в истории своей династии фигурирует также как Бедный, или Захудалый граф. Насколько оправданным было это прозвище и почему князя выбрали именно его? К тому времени Рудольф был самым влиятельным вельможей в юго-западной части Германии. Брак с Гертрудой фон Гогенберг позволил ему добавить несколько крупных поместий к эльзасским землям Габсбургов. Брак был счастливым, Гертруда родила десять (по другим данным, девять) детей. Кончина в 1264 году бездетного графа Хартмана фон Кибурга, дяди Рудольфа по материнской линии, принесла ему новые территориальные приобретения, на сей раз в Швейцарии. Тем не менее, Габсбурги не относились к числу знатнейших германских династий, и неожиданный выбор курфюрстов объяснялся политическими мотивами. Во-первых, Рудольф был для них компромиссной фигурой, а во-вторых, как полагали курфюрсты, он не обладал достаточным влиянием для того, чтобы вести в империи успешную объединительную политику, которая угрожала бы интересам крупной феодальной знати. Наконец, существовала и третья причина, по которой курфюрсты предпочли видеть на троне «захудалого графа». Это был страх перед чешским монархом Пржемыслом Отакаром II (1230–1278), «королем железным и золотым», как называли его на родине за военную мощь и богатство. Баварская Восточная марка (пограничное владение, которое выделялось императором или королем в лен своим вассалам в обмен на службу по охране границ королевства), которая охватывала район вокруг Вены, была передана еще в 976 году как владение роду Бабенбергов, чьи родовые земли располагались в долине Майна в Германии. В 996 году территория Восточной марки впервые была названа Остаррики. Династия Бабенбергов угасла в 1246-м, когда герцог Фридрих II погиб в битве с венграми, не оставив наследников. Началась борьба за Австрию – важную в экономическом и стратегическом отношении территорию.

Конец династии Бабенбергов несомненно стал переломным моментом в политической истории Австрии. Герцог Фридрих II не имел мужского потомства и не успел воспользоваться правом самостоятельно назначить своего преемника. На основании положений *Privilegium minus* теперь в права наследования могли вступать женщины. Но куда существеннее этих прав были реальные политические притязания соседей. В приобретении бабенбергских земель были заинтересованы правители Венгрии и Чехии. Сначала сумел воспользоваться создавшимся

положением – не в последнюю очередь по причине отсутствия в империи твердой центральной власти (начался период так называемого междоусобия) – чешский король Пржемысл Отакар II, овладевший в 1251 году землями Бабенбергов. Делая щедрые пожалования монастырям и раздавая привилегии городам, он попытался создать в Австрии собственную партию. С противостоявшей ему знатью он обходился довольно жестко. Когда в 1265-м был раскрыт заговор во главе с Отто из Майссау, поддерживавшим контакты с чешской знатью, Отакар распорядился немедленно казнить виновных. Чтобы укрепить свое господство в крае, он женился на Маргарите, сестре последнего Бабенберга, которая была вдвое старше его. Племянница Фридриха Воинственного Гертруда, в свою очередь, вышла замуж за Романа Галицкого, приходившегося родственником венгерскому королю, однако тот не смог добиться успеха. Впрочем, Отакару сначала пришлось уступить Штирию венграм. Лишь в 1260 году Отакар в союзе со штирийской знатью, восставшей против венгерского господства, сумел овладеть Штирией.

Получив разрешение Папы, он расстался с Маргаритой и вступил в брак с внучкой венгерского короля Белы IV. В 1269 году, после пресечения династии Шпангеймов, Отакар сумел присоединить к своим владениям Каринтию, Крайну и Виндскую марку. Фактически возникло огромное государство, простиравшееся от северных границ Чехии до Адриатики, а если учитывать тесные отношения Отакара с его польскими родственниками и его связи с Тевтонским орденом, то можно сказать, что влияние чешского короля и австрийского герцога в эту пору распространилось до берегов Балтийского моря. Но когда позднее Отакар, вопреки воле Папы, начал новую войну против Венгрии, это настроило против него Григория X. В итоге тот стал горячим сторонником избрания на немецкий трон дееспособного правителя, и в 1273 году курфюрсты избрали королем Рудольфа Габсбурга. Избрание Рудольфа во многом состоялось благодаря тому, что его поддержал Фридрих III Гогенцоллерн, бургграф Нюрнберга, а также герцоги Саксен-Виттенбергский Альбрехт II и Баварский Людвиг II, за которых были выданы дочери Рудольфа.

Известие об избрании Рудольфа было встречено в Германии с воодушевлением. Новый король был знаменит своей храбростью и рассудительностью, а его величавая наружность, высокий рост, гордая походка и приветливое обхождение делали его еще более популярным. В частной жизни он отличался непринужденностью и простодушием. Бесспорными достоинствами Габсбурга были присущий ему здравый смысл и ясное понимание своих возможностей и задач. В политике он следовал скорее интересам семьи, чем имперским амбициям. Об этом говорит прежде всего тот факт, что за долгие годы своего правления он так и не нашел времени съездить на коронацию в Рим.

Взаимоотношения чешского и германского королей развивались в соответствии с поговоркой о двух медведях в одной берлоге. Альдербахские анналы в свойственном средневековым хроникам сдержанном стиле живописуют эту драматическую историю.

«Год 1274. Рудольф, король римлян, объявил князьям, что его курия соберется в Нюрнберге в праздник блаженного Мартина. Он повелел всем князьям прибыть туда и предстать перед его императорским величеством. Здесь собралось большое число князей и прочей знати, однако король Богемии Оттокар и господин Генрих, герцог Баварии, не удосужились появиться. В связи с этим по решению князей было объявлено, что следующей курии надлежит собраться в Вюрцбурге.

Год 1275. Когда король Рудольф вместе со многими князьями, графами и магнатами прибыли в Вюрцбург, то король Богемии и герцог Баварии господин Генрих [вновь] отсутствовали. Поэтому князья постановили, что следующая курия должна собраться в августе во время летнего солнцестояния. Сюда прибыли многие знатные мужи, но из выборщиков был только герцог Людвиг. Со стороны же короля Богемии [в курию] был направлен почтенный муж, епископ Зеккау Вернхард, а от герцога Баварии Генриха – препозит Нойёттинга с подобающей свитой. После того как от обеих сторон были обстоятельно изложены вопросы об имперском

избирательном праве, сами послы, не придя к согласию, порознь покинули курию. По прибытию господина Папы Григория в Лозанну, к нему для коронации явился король Рудольф, как они об этом условились между собой в Базеле. Но так как Папа был занят общими церковными делами, а король [делами] итальянских городов, то само посвящение (или же коронация) было отложено до праздника очищения.

Год 1276. Король Рудольф направил в поход в Австрию войско, которое было не столь многочисленным, но хорошо подготовленным. У него были укрепленные корабли, которыми предполагалось прорвать заграждения в течении Дуная. Однако при содействии знатных мужей без какого-либо военного шума течение было открыто в Штраубинге и Пассау, вследствие чего король занял Австрию. После того как были разорены многие области страны, близ Энс погибло немало людей. Когда же королю сдалась Вена, то у мятежных горожан было повырублено большое число их фруктовых садов. Сам король Богемии, не осмелившийся ничего предпринять, сдался королю римлян, который по надлежащему ему праву торжественно ввел того во владения. Принеся оммаж королю римлян, король Богемии пообещал соответствующей клятвой тотчас после своего возвращения домой отпустить заложников и пленников. Однако, прибыв в Прагу, он, ссылаясь на различные обстоятельства, ничего из того, что обещал, в исполнение не привел.

Год 1277. Король Рудольф правит в Вене. Во время мятежа многих богемских баронов король Богемии при посредничестве господина Бруно, епископа Оломоуца, вновь примиряется с ним, вернув заложников и пленников».

Столкновение было неизбежно, и формально спровоцировал его Рудольф, обвинивший чешского короля – в связи с захватом австрийских земель – в нарушении ленного права.

«Год 1278. Король Богемии, тяжело переживая, что земли Австрии, Каринтии, Крайны и Моравии были отняты без каких-либо военных действий, склоняет к мятежу князей и других поданных Римской империи в различных землях, и многие соблазняются деньгами. Из них одни открыто отстраняются от короля римлян, другие нарушают долг скрытыми кознями» (Альдербахские анналы).

Решающая битва произошла 26 августа 1278 года на Моравском поле. Она имела очень важное значение в истории Центральной Европы, а также двух династий – древних Пржемысловичей, с незапамятных времен правивших в Чехии, и набравших силу Габсбургов. Проиграв Рудольф – и его род, вполне вероятно, навсегда сошел бы с исторической сцены. Выиграв чешский король – и его страна стала бы великой европейской державой. И Рудольф, и Пржемысл лично принимали в ней участие и выказали много мужества. Оттокар с тяжелой чешской конницей, отборными саксонскими и тюрингскими войсками занимал центр строя, на флангах расположились его союзники: баварцы, моравы, силезцы и поляки. Войско Рудольфа делилось на четыре отряда: середину занимали союзные ему венгры, передний отряд составляли австрийцы, задний – войска немецких князей; на флангах располагалась половецкая конница, а в арьергарде – тяжелая рыцарская конница. На рассвете 26 августа немцы атаковали вражеский строй и стали теснить чешскую конницу. Но в других местах исход битвы долго оставался неясным. Сам Рудольф сражался среди австрийцев. Один тюрингский рыцарь выбил его из седла и едва не лишил жизни. Увидев, что австрийцы отступают, Ульрих Капеллер, командовавший арьергардом, устремился на помощь. Утомленные чехи, не выдержав этой атаки, стали отступать. Оттокар, с небольшим отрядом прикрывавший отход своей армии, был окружен немцами и убит.

Вот как об этой битве повествуют Швабские анналы: «В этом году, 26 августа, король Рудольф вступил в крупную битву с Оттокаром, королем Богемии, который с большим войском выступил против него, и, хотя этот римский король упал на землю, когда убили коня, на котором он сидел, он вновь ввязался в бой; таким образом чехи, не выдержав тяжести битвы, обратились в бегство, бросив короля, который был достойным сожаления образом убит руками нем-

цев. После этого сын и дочь бывшего короля Богемии были под видом опеки поручены королем Рудольфом Отто, маркграфу Бранденбурга; за этого сына бывшего короля, а также за брата названного маркграфа были выданы замуж две дочери короля Рудольфа. Однако этот маркграф, забыв о дружбе с ним, попытался выступить против короля Рудольфа, собрав огромное и сильное войско». Победа на Моравском поле имела множество исторических последствий. Прежде всего, она стала важной составной частью мифологии габсбургского рода, поскольку явилась первой крупной битвой, выигранной представителем этой династии. Сражение привело к окончательному включению чешских земель в состав Священной Римской империи. Это была одна из немногих окончившихся победой битв под прямым командованием Габсбургов. И при этом она сразу открыла их роду путь в Придунайскую область и Центральную Европу. Этой победой Рудольф сумел как следует воспользоваться. Он немедленно свел Чешское королевство к границам одной только Чехии и занял на некоторое время Моравию. Австрию и Штирию он превратил в ленные владения своего рода. При Рудольфе I зародилась и пресловутая габсбургская «брачная политика»: он устроил брак своей дочери Гуты с сыном Пржемысла Вацлавом. Тем самым он основал (в дипломатическом таланте у Рудольфа не было недостатка) род, который вскоре превратился в настоящий клан. Он разрастался почти в геометрической прогрессии: семь, десять и более детей было в семьях Габсбургов не редкостью. Кроме того, Габсбурги отличались показательной сплоченностью, и именно она больше всего способствовала тому, что этот род стал одной из самых долго правивших династий Европы. В отличие от остальных королевских родов, не исключая Пржемысловичей, в истории Габсбургов почти нельзя встретить кровавой борьбы за трон. Иерархия и наследное право строго соблюдалось ими, а если и происходили какие-то эксцессы, они каждый раз с большей или меньшей ловкостью затушевывались.

Не последнюю роль в последующем восхождении Габсбургов к вершинам власти сыграла их прочная связь с Ватиканом. Рудольф I завоевал симпатии Папы Римского, скорее всего, не потому, что пообещал ему Крестовый поход в Святую землю, а благодаря заверению, что он не будет вмешиваться в борьбу за власть в Италии, чем со всем рвением занимались его предшественники. Среди Габсбургов даже жила легенда (одна из многих), что когда Рудольф I после своего избрания королем принимал поздравления курфюрстов и князей, у него не оказалось скипетра. Тогда он якобы снял со стены крест и заявил: «Этот символ выкупил мир и да будет он нашим скипетром»...

В 1280-х годах Рудольф I занимался не только своими новоприобретенными владениями, но и родовыми землями Габсбургов в Юго-Западной Германии. В 1281 году ему удалось присоединить ряд ленов во Франш-Конте, а затем подчинить своей власти город Берн и добиться принесения оммажа от пфальцграфа Бургундского. В 1282-м король официально передал Австрию и Штирию в наследственное владение своим сыновьям Альбрехту I и Рудольфу II. Таким образом в Австрии установилось правление династии Габсбургов, которая сохраняла австрийский престол до 1918 года. Как уже было сказано выше, среди забот об исполнении королевских обязанностей Рудольф не упускал из виду своей главной личной цели – обогащения и упрочения своего дома. Так, когда после смерти последнего из Штауфенов герцогство Швабское – прямая собственность короны – попало под власть нескольких князей, Рудольф заявил на него свои права и стал добиваться этого герцогства для своего сына Рудольфа. Из-за этого ему пришлось вести долгую и упорную борьбу с одним из самых могущественных и буйных своих вассалов, графом Эберхардом Вюртембергским, и даже осадить и взять приступом столицу его княжества, Штутгарт.

В Северной Германии Рудольф пользовался весьма малым влиянием, хотя его зять, герцог Альбрехт Саксонский, поддерживал по мере сил и возможностей его авторитет, стараясь соблюдать его постановления о всеобщем внутреннем умиротворении страны, но власть короля здесь была почти неощутимой. Даже те союзы городов и владетельных князей, которые

заклучались как будто бы для соблюдения мира и тишины в стране, во многих местах были направлены против самого короля. Рудольф даже не пытался вступать в борьбу, которая была вызвана Лимбургским спором о наследстве, и в кельнские уособицы, закончившиеся битвой при Воррингене, которые волновали всю Северо-Западную Германию.

Только однажды, в 1289 году, Рудольфу удалось успешно применить королевскую власть в Тюрингии, где он положил конец полной анархии. За годы безвластия в Германии сложилось целое сословие рыцарей, занимавшихся грабежом незащищенного населения. Они строили свои замки на скалах или в других труднодоступных местах и оттуда нападали на поселян и купцов. Король начал против них войну, прежде всего в Швабии и Тюрингии, где его власть была более прочной. Он сам разъезжал по Германии и разрушал разбойничьи замки. Например, в Тюрингии при нем было взято 66 таких замков и повешено 29 знатных разбойников. Однако в деле обеспечения спокойствия и безопасности в Германии Рудольфу I не удалось достичь многого. Он неоднократно объявлял о введении «земского мира» на территории отдельных племенных герцогств или всей Германии, однако нехватка военных и материальных ресурсов, а также особой энергичности в осуществлении собственных решений, не позволяла ему сломить непокорных немецких князей. Концентрация Рудольфа I на интересах своей семьи и создании Австрийской монархии Габсбургов привела к тому, что для Германии в целом его правление не имело значительного позитивного эффекта. Корыстные стремления Рудольфа понемногу оттолкнули от него всех, и недоверие к нему стало всеобщим. В 1291 году Рудольф I попытался еще при жизни обеспечить избрание королем Германии своего сына Альбрехта I, однако немецкие князья, опасаясь усиления Габсбургов, отказались это сделать.

Последние годы жизни Рудольф провел в Вене и Шпайере. С годами он становился все более набожным и сентиментальным. Страдая от артрита, король, ожидая скорой кончины, летом 1291 года отправился в Шпайер, место упокоения королей и императоров Франконского дома. Он мечтал быть похороненным в кафедральной императорской крипте: «Я хочу к другим, в Шпайер, где лежит много моих предшественников, которые также были королями. Сам к ним приеду на коне». Силы покинули его прежде, чем он достиг города, и 15 июля 1291 года он умер в местечке Гермерсхайм. Согласно его желанию, он был похоронен в соборе Шпайера. Надгробие Рудольфа I – наиболее достоверное из дошедших до нас изображений первого габсбургского короля, представляет собой статую пожилого человека в королевском одеянии, с вытянутым лицом, крупным носом и глубокими складками у рта, придающими ему печальное, если не сказать, скорбное выражение. Длинное лицо и большой нос – родовые черты Габсбургов, которые будут передаваться из поколения в поколение.

Несмотря на все усилия Рудольфа, путь Габсбургов наверх не был ни легким, ни быстрым. Его сыну Альбрехту пришлось ждать после смерти отца целых семь лет, пока он занял римско-германский трон. Правда, после того как вымерли все Пржемысловичи, ему удалось посадить на чешский трон своего сына Рудольфа, однако это был всего лишь короткий, меньше года длившийся эпизод, сопровождавшийся к тому же постоянными столкновениями с оппозиционной знатью. Альбрехт, впрочем, пытался во что бы то ни стало спасти чешский трон для своего рода, однако прежде чем ему удалось набрать необходимое войско, он был убит собственным племянником. Это единственное убийство внутри габсбургского дома было, вероятно, организовано извне. По мнению многих историков, за его кулисами стояли некоторые германские князья и, в частности, Мангеймский епископ. Судя по всему, Габсбургов недолюбливали не только в Чехии, но и в Священной Римской империи германской нации.

Рудольф I не был самым выдающимся из римскогерманских императоров и королей. Тем не менее о его правлении часто вспоминали с теплотой. В средневековой хронике Элленгарда говорится, что «при Рудольфе во всех частях Германии царил такой мир, какого она раньше не знала». Мастер интриг и компромиссов, искушенный политик, Рудольф умел смотреть в лицо опасности и стойко переносить испытания. Он укрепил расшатавшееся здание империи

и, главное, заложил основу будущего могущества Габсбургов, сделав их одними из вершителей судеб Германии и Европы. О том, как оценивали роль Рудольфа I последующие поколения, свидетельствует замечание Наполеона, говорившего о себе: «Я – Рудольф Габсбург своей династии».

Несмотря на противодействие курфюрстов, старшему сыну Рудольфа, Альбрехту, в конце концов удалось заполучить германскую корону. Этот воинственный человек, чьим девизом было *Fugam victoria nescit* («Победе чужды отступления»), предпочитал не развязывать, а рубить гордые узлы политических интриг феодальной эпохи. В 1298 году в битве при Гелльхайме Альбрехт разгромил своего соперника, тогдашнего короля Адольфа фон Нассау, и вынудил курфюрстов избрать себя новым германским монархом. Деятельный Альбрехт заметно усилил позиции своего рода в Австрии, где Габсбургов до сих пор воспринимали как чужаков, и попытался закрепить за своим потомством Чехию, где в 1306 году пресекся род Пржемысла Отакара. Чешская знать не горела желанием видеть корону святого Вацлава на голове кого-либо из Габсбургов, и начался долгий конфликт. Собирая войска для очередного похода на Чехию, король Альбрехт в начале мая 1308-го был убит в своих родовых владениях группой заговорщиков во главе с собственным племянником, восемнадцатилетним Иоганном. Иоганн был сыном младшего брата Альбрехта Рудольфа, умершего молодым. Он родился через несколько месяцев после смерти отца, и, согласно тогдашнему семейному праву, Альбрехт стал опекуном племянника (отсюда прозвище Иоганна – *Parricida*, Отцеубийца, поскольку с юридической точки зрения убитый Альбрехт был ему отцом). Занятый войнами и политикой, король, впрочем, не слишком заботился об Иоганне, который с юных лет чувствовал себя ущемленным. Он добивался от дяди хотя бы захудалого княжества в лен, но не получил ничего.

В 1306 году юноше была нанесена новая обида: после того как в Чехии пресеклась королевская династия, о кандидатуре Иоганна на чешский трон никто и не заикнулся, хотя он был племянником Пржемысла Отакара II по материнской линии и имел определенные права на корону. Терпение молодого человека лопнуло. Он вступил в контакт с представителями мятежных швейцарских кантонов и другими врагами германского короля. Сложился заговор, результатом которого стало убийство Альбрехта. Реакция современников на это событие была весьма противоречивой – от проклятий в адрес подлых убийц до нескрываемой радости по поводу смерти слишком уж энергичного и властолюбивого монарха.

Иоганну Отцеубийце удалось скрыться, но судьба не была благосклонна к нему. Новый король, Генрих VII Люксембург, предал Иоганна проклятию и отдал приказ о его розыске. Где и как прошли последние годы жизни злосчастного отцеубийцы, точно не известно. Для Габсбургов он стал едва ли не самой темной фигурой в истории рода, поскольку открытый бунт против главы семьи, а тем более убийство последнего, были для этой династии делом исключительным, практически невозможным.

Смерть Альбрехта I имела негативные последствия для могущества Габсбургов. Реализовать свою мечту о создании единого мощного королевства с крепкой наследственной властью Альбрехт не успел. После смерти короля ни одному из его сыновей не удалось добиться римско-германской короны: курфюрсты слишком опасались дальнейшего усиления Габсбургов. Династия оказалась если не отброшена на вторые роли (после Рудольфа I и Альбрехта I это было уже невозможно), то по крайней мере вновь стала лишь одним из нескольких могущественных родов, боровшихся за власть и доминирование в Центральной Европе. Кроме того, владения Габсбургов на юго-западе Германии пришли в упадок, что способствовало концентрации усилий рода на укреплении своих позиций в Австрии, которая теперь уже окончательно стала главной опорой династии.

После смерти Альбрехта I его сыновья, австрийские герцоги Фридрих Красивый и Леопольд, пытались бороться за германскую корону, но неудачно: от нее Габсбургов оттеснили вначале герцоги Люксембурга, а затем баварская династия Виттельсбахов, глава которой Людвиг

IV в 1322 году разбил Фридриха и Леопольда в битве у Мюльдорфа. Выбор Альбрехтом I имен для своих сыновей не случаен: Фридрихами и Леопольдами были многие Бабенберги, и, называя собственных потомков в честь представителей первого австрийского герцогского рода, Габсбург хотел символически породниться с Австрией, завоеванной его отцом.

В 1330 году, после смерти невезучего и довольно бесцветного Фридриха Красивого, власть в Австрии и Штирии перешла к следующему из сыновей короля Альбрехта – Альбрехту II, вошедшему в историю под двумя прозвищами – Хромой и Мудрый, оба из которых были вполне заслуженны. Хромота Альбрехта была вызвана сильнейшим полиартритом, ставшим, очевидно, следствием какого-то инфекционного заболевания. Что же до мудрости, то о ней свидетельствовала не только стойкость и самоирония, с которыми Альбрехт переносил свой мучительный недуг (временами он вообще не мог передвигаться самостоятельно), но и политика герцога, превратившего Австрию из набора феодальных ленов в единое и достаточно мощное государство. Альбрехт II унаследовал земли Габсбургов после смерти старшего брата и первое время правил вместе с младшим братом Оттоном, который сначала вытребовал у старших братьев долю доходов с австрийских земель, а в 1330 году также был провозглашен герцогом Австрии.

Еще в 1324-м Альбрехт женился на Иоганне, дочери последнего графа Пфирта Ульриха III, таким образом присоединив к владениям Габсбургов еще одну область в Эльзасе.

В 1335 году умер последний представитель Горицко-Тирольской династии Генрих Хорутанский. Согласно заключенному в 1282 году соглашению между Габсбургами и Горицко-Тирольским домом все владения последнего должны были отойти Габсбургам. Альбрехт II немедленно оккупировал Каринтию и Крайну, однако в Тироле столкнулся с сопротивлением соседней Баварии, также претендовавшей на наследие Генриха Хорутанского. Согласно австро-баварскому договору 1335 года Каринтия и Южный Тироль отходили к Австрии, а северный Тироль – к Баварии. Но против раздела своей страны выступили сами тирольцы. Вспыхнуло восстание с требованием восстановления на престоле законной наследницы Маргариты, единственной дочери Генриха Хорутанского. Австрийцы и баварцы были вынуждены покинуть страну и признать Маргариту правительницей Тироля.

Альбрехт II отличался умом и большой работоспособностью. Несмотря на физический недостаток, он непрестанно объезжал свои владения и входил во все мелочи управления. Много внимания герцог уделял упорядочению государственной системы своих владений. Для Штирии и Каринтии он разработал и утвердил основные законы, остававшиеся в силе до падения монархии Габсбургов, в том числе штирийскую «Горную книгу». Только благодаря активности Альбрехта II Австрия благополучно пережила все напасти, пришедшие на то время: нашествие саранчи в 1338 году, несколько наводнений в 1340-х годах, эпидемия чумы 1348–1349 годов.

Благодаря своей рассудительности и отсутствию агрессивных внешнеполитических устремлений Альбрехт II завоевал достаточный авторитет в Германии. В 1335 году, например, Папа Римский Бенедикт XII прибег к посредничеству Альбрехта II в споре с императором Людвигом IV. В 1337 году за помощью к Альбрехту II в борьбе против императора и Англии обратился французский король Филипп VI. Однако австрийский герцог отказался выступить против Людвига IV и до конца жизни оставался лояльным императору.

Во внутренней политике Альбрехту пришлось столкнуться с усилением Швейцарского союза, к которому в 1351 году присоединился Цюрих. Поход Альбрехта II на Цюрих в 1352-м оказался неудачным, и город вместе с прилегающей областью был потерян для герцога. В 1355 году Альбрехт II утвердил закон, запрещающий раздел владений Габсбургов, так называемое «Правило Альбертинского дома». Несмотря на то, что уже дети Альбрехта II нарушили этот закон и разделили между собой австрийские земли, действие «Правил Альбертинского дома»

было возобновлено императором Максимилианом I, а позднее вошло в текст Прагматической санкции и оставалось одним из краеугольных законов Австрийской монархии до 1918 года.

Альбрехт II умер в Вене 16 августа 1358 года и был похоронен в основанном им самим монастыре Гаминг. В XIV веке начался постепенный процесс вытеснения Габсбургов из Швейцарии. Еще в 1291 году три швейцарских общины, или кантона – Ури, Швиц и Унтервальден (вскоре к ним присоединился также Обервальден), – заключили между собой соглашение о союзе и взаимопомощи. Так возник прообраз Швейцарской конфедерации, благополучно существующей и сейчас. Один из кантонов, Унтервальден, однако, находился под сюзеренитетом Габсбургов, а в остальных династия всячески пытались укрепить свое влияние. Столкновение интересов швейцарских крестьянских общин, городов и мелких землевладельцев, с одной стороны, и крупных феодалов, каковыми являлись Габсбурги, – с другой, не могло не привести к конфликту. Верх в нем взяли швейцарцы, к концу XIV века практически лишившие династию владений в этой стране. Правда, теряя земли на западе, Габсбурги приобретали их на востоке и юге: так, Альбрехту Хрому удалось завладеть Каринтией, Крайной и Вендской маркой на территории нынешней Словении.

Альбрехт Мудрый был не слишком воинственным правителем, возможно, потому, что из-за болезни не мог командовать войском. Гораздо больше ему нравилось плести дипломатические интриги, заниматься строительством и поощрять – насколько это было возможно в то время – научные изыскания. Так, при нем ученым монахом Иоанном Виктрингским был написан трактат, посвященный истории австрийских земель. Вообще, герцог немало сделал для укрепления единства Австрии, за которой, собственно, при нем и закрепилось официальное название *dominium Austriae* – «австрийские владения». После Чешского королевства, переживавшего при Карле IV Люксембурге (1346–1378) период небывалого расцвета, Австрия во второй половине XIV века, несомненно, была наиболее экономически сильным и политически влиятельным из государственных образований, входивших в состав Священной Римской империи.

Наследником Альбрехта II стал один из самых необычных Габсбургов, живших и правивших в эпоху позднего средневековья. Старший сын Альбрехта Мудрого, вошедший в историю под именем Рудольфа Основателя, с юных лет отличался бешеным честолюбием. Он мечтал не только о дальнейшем расширении габсбургских владений, но и о возвращении своей семьи на первые роли в империи. Несколько раз, ссылаясь на некие древние традиции и якобы данные прежними императорами обещания, Рудольф присваивал себе титулы, на которые не имел ни малейшего права. Он пытался воссоздать древнее Швабское герцогство и стать его правителем, а когда это не удалось, объявил себя великим герцогом Австрийским – небольшая, но все же ступенька в иерархии титулов, приближавшая честолюбивого Габсбурга к королевскому достоинству. Вершиной проделок Рудольфа стало «обнаружение» целой серии «древних» документов, в которых выдающиеся монархи прошлого, вплоть до Юлия Цезаря и Нерона, якобы предоставляли владельцам австрийских земель различные привилегии и всячески возвышали их между прочими своими подданными. Подлинность этих творений вызвала сильные сомнения уже у современников, в том числе у Карла IV, позднее же была доказано, что это подлог. Наиболее искусным образом был подделан действительно существовавший документ – рескрипт императора Фридриха Барбароссы, называвшийся *Privilegium minus* и датированный 1156 годом. В нем император повысил статус Восточной марки (Австрии), сделав ее герцогством. Фальсификат, получивший название *Privilegium maius*, представлял собой «исправленное и дополненное» распоряжение Барбароссы, на основании которого Рудольф и присвоил себе титул великого герцога.

Желая объединить все земли под одним флагом, Рудольф ввел изображение пяти орлов, в подражание символике римских императоров. Но Рудольф скоропостижно скончался, так и

не реализовав своих честолюбивых планов. Только при Рудольфе IV с 1359 года Габсбурги стали носить титул эрцгерцогов.

Для своих подданных беспокойный и болезненно самолюбивый герцог был, однако, довольно неплохим правителем. Во всяком случае, жители Вены могут быть благодарны Рудольфу хотя бы за перестройку (фактически возведение заново) великолепного собора Святого Стефана, одной из главных достопримечательностей австрийской столицы.

Собор строился еще в 1137–1147 годах и был посвящен первому христианскому мученику, которого забили камнями на глазах у Савла, будущего апостола Павла. При Рудольфе на месте старого романского храма был построен готический собор, значительно больший, чем предшественник. Впоследствии собор Святого Стефана станет центром Венского епископства.

Также Рудольф в 1365-м основал Венский университет, поддерживал торговлю и ремесла. Историческое же значение недолгого правления Рудольфа – он скончался в 1365 году, не дожив и до 26 лет, – заключается прежде всего в том, что он вновь во весь голос заявил о властных амбициях своей династии. В этом смысле герцога действительно можно считать одним из основателей могущества Габсбургов. С фигурой – а точнее, с лицом – Рудольфа Основателя связана одна характерная особенность: на его надгробном изображении заметна деталь внешности, которая станет отличительной чертой очень многих членов династии, – знаменитая «габсбургская» нижняя губа, пухлая и оттопыренная, придающая лицу несколько надменное выражение.

Конец XIV – начало XV века стали для габсбургской Австрии периодом некоторого упадка. На первый взгляд, самое страшное было позади: после опустошительных эпидемий чумы и холеры на западе и в центре Европы возобновился рост населения, укрепились хозяйственные связи, бурно развивались города. Однако новые времена несли с собой новые социально-политические противоречия. Росло влияние городских слоев, все чаще конфликтовавших с монаршей властью; напротив, беднело и разорялось мелкое рыцарство, чьи представители пополняли наемные отряды искателей наживы и приключений, продававших свой меч тому из государей, кто готов был заплатить больше. Кроме того, вновь обострились отношения светских властей с римско-католической церковью. Претензии последней на высшую духовную и даже политическую власть в масштабах всей Европы были поколеблены церковным расколом («великой схизмой») 1378–1417 годов, во время которого на престол святого Петра претендовали одновременно два, а то и три папы. Все эти политические перипетии не обошли стороной и земли Габсбургов.

Упадок герцогской власти в Австрии был обусловлен не только внешними факторами, но и междоусобицами среди членов самой династии. Многочисленные сыновья Альбрехта II стали основателями новых ветвей рода, отношения между которыми не были безоблачными. Младшие братья Рудольфа Основателя после долгих тяжб и споров разделили *dominium Austriae* на две части. Альбрехту III и его потомкам – так называемой линии Альбрехта – досталась собственно Австрия. Леопольду III и линии Леопольда – Штирия, Каринтия, Крайна, а также Тироль, присоединенный к габсбургским землям в 1363 году. Позднее, в 1382-м, сюзеренитет Габсбургов признал приморский город Триест, остававшийся под их властью до 1918-го. Кроме того, удалось (прежде всего, усилиями воинственного и удачливого Леопольда III) подчинить австрийскому владычеству княжества Фельдкирх и Брейсгау. Все это наследство было непросто разделить между многочисленными дядьями, племянниками, родными, двоюродными и троюродными братьями. Древнее феодальное право, предполагавшее выделение отдельных владений каждому из сыновей, вступало в противоречие с интересами династии в целом. Возникали споры и ссоры: так, в 1408 году сторонники герцогов Эрнста и Леопольда, младших сыновей Леопольда III, организовали кровавые столкновения в Вене.

К счастью для Габсбургов, склонность большинства из них к компромиссам позволила постепенно преодолеть противоречия. Кроме того, после смерти своих многочисленных бра-

твев на передний план в семье выдвинулся наиболее решительный, сильный и энергичный из Леопольдовичей – Эрнст, прозванный Железным, правитель так называемой Внутренней Австрии.

Эрнст стал последним монархом, коронованным согласно древнему обряду, в 1414 году. Церемония избрания князя проходила на словенском языке на особом Княжеском камне, представляющим собой остаток древней кельтской колонны, недалеко от Крнского града. Правом избрания князя пользовались все свободные землевладельцы Каринтии (или Карантании, одного из самых ранних славянских государств). На их собрании избирался один представитель – судья, который подвергал кандидата на княжеский престол ритуальному опросу, а затем спрашивал согласия народного собрания на его избрание. Собрание могло отвергнуть кандидатуру князя, что случалось даже в период герцогства Каринтии в середине XI века. Если собрание соглашалось на избрание князя, последний должен был принести особую присягу, причем делал он это, сидя на каменном Княжеском троне, установленном на Господсветском поле (современный Цолфельд, Каринтия). Этот обряд был описан в книге Жана Бодена «Six livres de la Republique». Существует точка зрения, что поскольку эту книгу читал Томас Джефферсон, карантанский обряд избрания князя повлиял на процедуру избрания президента и текст Декларации независимости США, разработанные Джефферсоном. Эрнст, великий герцог Австрийский, довольно умело правил в унаследованных от отца и братьев областях, пытался – правда, безуспешно – вытеснить племянника Фридриха из Тироля и, наконец, стал родоначальником линии габсбургских императоров от Фридриха III до Рудольфа II и Маттиаса. Эрнст был известен также своей любовью к строительству: он значительно расширил столичный квартал Винер-Нойштадт.

Amicus optima vitae possessio («Друг – лучшее, что можно приобрести в жизни») – так звучит девиз австрийского герцога Альбрехта V, первого из Габсбургов, кому удалось после перерыва в 130 лет вернуть себе римско-германскую королевскую корону (в качестве короля он именовался Альбрехтом II). Суждение, порожденное жизненным опытом: в бурной жизни этого Габсбурга врагов всегда было больше, чем друзей.

Уже в 1411 году, когда ему было 14 лет, Альбрехта провозгласили совершеннолетним, и он смог выйти из-под опеки двоюродных дядьев – Леопольда Тирольского и Эрнста Железного. Впрочем, вместо властолюбивых родственников палки в колеса герцогу начали вставлять представители сословий, только выигравшие от распрей среди Габсбургов. Но вскоре они вынуждены были смириться с новым усилением монаршей власти: Альбрехт V оказался жестким и волевым правителем, к тому же он умел подбирать толковых советников и обзавелся сильным союзником – римско-германским королем (с 1433 года – императором) Сигизмундом Люксембургом. На дочери Сигизмунда Елизавете герцог женился в 1422-м.

Союз с императором заставлял Альбрехта хлопотать о ликвидации церковного раскола. Он поддержал решения Констанцкого собора, покончившего с «великой схизмой», и признал избранного собором единого Папу Мартина V. Вскоре после этого австрийский герцог начал борьбу с чешскими протестантами-гуситами, принесшую ему репутацию «бича еретиков».

Массовое движение гуситов – последователей пражского теолога Яна Гуса (1369–1415) – вылилось в целую серию войн, сотрясавших Центральную Европу на протяжении полутора десятилетий – с 1419-го по 1434 год. Гус развивал идеи английского философа и теолога Джона Уиклиффа, который проповедовал возврат к простоте и демократичности раннего христианства. Главными положениями учения Уиклиффа, подхваченными Гусом, были право свободного толкования Священного Писания, перевод богослужения с латыни на современные языки, осуждение церковной иерархии, призыв к бедности церкви. Основным обрядовым требованием гуситов стало причащение хлебом и вином для всех верующих, а не только для клира.²

² В католицизме верующие-миряне причащаются только хлебом (облаткой), а клир – священники – хлебом и вином, в

Символом гуситского движения поэтому являлась чаша для причастия (отсюда название умеренного гуситского течения – чашники). Радикальная часть гуситов – табориты – придерживалась идей своеобразного христианского коммунизма. Кроме того, в гуситской программе были сильны этнические элементы, поскольку к тому времени в Чехии обострились противоречия между коренным населением и многочисленным немецким меньшинством, обосновавшимся в чешских землях в Средние века.

В 1420 году Сигизмунд и его католические вассалы, в том числе Альбрехт V, побуждаемые Римом, организовали первый Крестовый поход против гуситов, но их усилия не увенчались успехом. Гуситам удалось создать мощную регулярную армию, которая раз за разом наносила сокрушительные поражения цветущему европейскому рыцарству. После очередного разгрома, в 1431 году в сражении у Домажлиц, католическая Европа вынуждена была начать переговоры с упорными еретиками. Представители гуситов приехали на Базельский собор, и вскоре были выработаны условия для компромисса. Император Сигизмунд был признан королем Чехии. Незадолго до смерти Сигизмунд начал готовить передачу власти своему зятю. В 1437 году Альбрехт был провозглашен королем Венгрии, а год спустя – римско-германским королем под именем Альбрехта II. С Чехией вышло сложнее: часть гуситского дворянства и представители других сословий, помня давнюю враждебность Альбрехта к их вере, отказались признать его королем и выдвинули своего кандидата – польского принца Казимира Ягеллона. Габсбургу снова пришлось взяться за оружие. Обладая полководческим талантом, он нанес противнику поражение и стал немедленно готовиться к новой военной операции – против турок, чье влияние на Балканах непрерывно возрастало. Однако выступить в очередной крестовый поход Альбрехту было не суждено: в октябре 1439 года он заболел холерой и умер в Венгрии. Смерть Альбрехта II стала событием, на много десятилетий отбросившим Габсбургов от подлинного европейского могущества.

Сын Альбрехта и Елизаветы Люксембургской, Ладислав Посмертный (Posthumus), родившийся через несколько месяцев после смерти отца, сохранил чешскую и венгерскую короны. За маленького короля, однако, правили могущественные вельможи: в Чехии – Иржи (Георгий) из Подебрад, ставший впоследствии первым и последним гуситским королем, в Венгрии – Янош Хуняди, в Австрии (ведь Ладислав был и австрийским герцогом) – его родственник, император Фридрих III. Ладислав подавал большие надежды, однако в 1457 году в возрасте 17 лет умер в Праге незадолго до собственной свадьбы. Как показали исследования его останков, проведенные в 80-е годы XX века чешскими специалистами, причиной смерти молодого короля стала, очевидно, скоротечная лейкемия. Проживи Ладислав дольше, вполне вероятно, что центрально-европейская империя Габсбургов возникла бы уже в середине XV столетия. История, однако, решила иначе: австрийскому дому, вновь устремившемуся к вершинам власти, пришлось подождать еще 70 лет.

В 1440 году новым римско-германским королем был избран Фридрих III. Он родился 21 сентября 1415 года в Инсбруке и был старшим сыном герцога Эрнста I Железного и княжны Кимбурги Мазовецкой, дочери плоцкого князя Земовита IV. После смерти отца попечителем девятилетнего Фридриха стал его дядя – Фридрих Тирольский, от которого сын Эрнста I зависел до 1435 года, хотя за 4 года до этого уже достиг шестнадцатилетия, что в то время означало совершеннолетие. Особенно важным стал для него 1439 год, когда умер король Альбрехт II Габсбург. Тогда Фридрих стал сеньором дома Габсбургов и опекуном несовершеннолетнего сына Альбрехта – Ладислава Постума (Посмертного).

Фридриху удалось стать монархом потому, что он казался малозначащим правителем, не представлявшим в качестве немецкого короля угрозы для имперской знати. Получение этого

титула предопределили не его личные качества. В 1440-е годы Фридрих боролся с проблемами, возникшими в Тироле, который с 1445 года стал неделимым доменом и власть над которым должны были совместно вершить сам Фридрих и Сигизмунд, сын умершего тирольского графа Фридриха. Несмотря на соглашение 1445 года, тирольские сословия отказали ему в послушании, провозгласив единственным правителем Сигизмунда. Похожие проблемы ожидали Фридриха и в Швейцарии. Из-за не совсем правильной политики в регионе во внутренние дела вмешались французы и бургундцы. Неудачи поджидали Фридриха также и на австрийских территориях. В Венгрии и Чехии поддержали сына умершего короля Альбрехта.

Тот факт, что курфюрсты быстро и без особых проблем проголосовали за Фридриха, который не был харизматичной личностью, свидетельствует о значительном авторитете, которым уже тогда пользовались Габсбурги. Впрочем, новый король (с 19 марта 1452 года, после коронации в Риме – император; кстати, это был первый и последний Габсбург, коронованный Папой в соответствии с традицией Карла Великого и Оттона I) за полвека своего правления сделал немало для падения этого авторитета. В историю Фридрих вошел не выдающимися деяниями, которых не совершил, а удивительным везением, которое помогло ему пережить всех своих врагов. Кроме того, именно с него начинается почти непрерывная череда габсбургских императоров, начавшаяся в смутном переходном XV веке, когда в жизни европейского общества средневековые традиции и устои были перемешаны с приметами нового времени.

Фридрих III считается последним императором Средневековья. Он непрерывно с кем-то враждовал, причем все время находился в роли слабой, пассивной, защищающейся стороны. В 1461 году его родной брат, Альбрехт VI, не имевший собственных владений, попытался отобрать у Фридриха Австрию. Заговор Альбрехта, склонившего на свою сторону многих вельмож и городскую верхушку Вены, удался: император, запертый в крепости, согласился на мир на условиях, выдвинутых братом. Но через несколько месяцев Альбрехт умер от чумы, и Фридрих восстановил свою власть в Вене и остальной Австрии. Однако его уже ждал новый, еще более сильный враг – венгерский король Матиаш Корвин из рода Хуньяди, чьи войска стали то и дело вторгаться во владения императора. В 1485 году Корвин собрал войско и взял Вену, император бежал в Линц. Лишь через пять лет, когда Матиаш умер, сыну Фридриха Максимилиану удалось вернуть австрийскую столицу. Старый же император мог пополнить список умерших врагов еще одним именем.

Фридриха III, который царствовал 50 лет, считают наиболее противоречивым правителем из рода Габсбургов. Его часто называют одним из тех, кто создал основу их родового могущества. Ему пришлось править в необычайно беспокойные годы, отмеченные анархией, многочисленными войнами и бурными религиозными спорами.

Вполне успешной можно считать брачную политику Фридриха III. Он женился на Элеоноре Португальской, чье приданое составляло 60 тысяч дукатов. Венчание состоялось в Риме 16 марта 1452 года. Три дня спустя Фридрих был коронован Папой и стал императором. Королева родила ему пятерых детей.

На жителей Италии Фридрих III не произвел хорошего впечатления. Архиепископ Флоренции описал его визит следующими словами: «В нем не было видно имперского достоинства – ни щедрости, ни мудрости, ибо от его имени всегда говорили ораторы. Зато можно было заметить его большую страсть к подаркам». В то же время в Австрии, Чехии и Венгрии вспыхивали бунты. Враждебные Фридриху силы намеревались приступить к осаде Винер-Нойштадта, где император задержался на обратном пути из Рима. Габсбург согласился на переговоры, в результате которых находящийся под его опекой Ладислав был передан осаждавшим город отрядам. Но Ладислав Постум уже больше никогда не получил власти в Венгрии и Чехии. Он умер в 1457 году в возрасте 17 лет. Претензии на имущество Ладислава предъявил не только Фридрих, но также его брат Альбрехт, а Сигизмунд Тирольский был готов отказаться от своих прав в пользу Альбрехта. В результате переговоров в 1458 году Фридрих III получил

бенефиции к югу от реки Энс, а Сигизмунд должен был получать треть поступавших от этих земель доходов. Итогом стало разделение австрийского лена, в рамках которого было выделено отдельное герцогство со столицей в Линце. Соглашение принесло только временное ослабление напряженности. Уже в 1460 году при поддержке Людвига Баварского Альбрехт атаковал брата. Кульминацией многолетней борьбы стала осада Фридриха в венском замке осенью 1462-го. Только вмешательство войск чешского правителя Йиржи из Подебрад спасло Фридриха, его жену и сына Максимилиана от пленения. Согласно заключенному соглашению, Альбрехт получил право на восемь лет распоряжаться поместьями к югу от реки Энс. В новой ситуации, когда казалось, что между братьями начнется новая война, 2 декабря 1463 года Альбрехт неожиданно умер, не оставив наследника. Наследство брата перешло к Фридриху III.

Согласно дошедшим до нас свидетельствам, Фридрих III был странным, эгоистичным, мелочным и неприятным человеком. При этом он отличался большой наблюдательностью, желчным юмором и даже склонностью к философии, о чем говорят сохранившиеся фрагменты записей императора, которые он вел на протяжении всей жизни. Как и положено чудаку, Фридрих оставил после себя загадку, над смыслом которой билось не одно поколение историков. Это знаменитый «габсбургский ребус» – набор букв A E I O U, считавшийся одно время зашифрованным девизом самого императора. Им Фридрих помечал свои книги, документы и даже возведенные здания (в частности, таинственное сочетание сохранилось на стенах нескольких венских церквей). Достоверной расшифровки этих букв не существует по сей день. Некоторые историки полагают, что A E I O U – лозунг династии Габсбургов, завещанный Фридрихом потомкам. В этой связи возникли две версии расшифровки – немецкая и латинская: *Alles Erdreich ist Oesterreich untertan* или *Austria est imperare orbi universo*. Значение обеих фраз практически одинаково: «Пусть Австрия правит миром». Впрочем, не исключено, что эти версии навеяны позднейшей историей австрийского дома, во времена же Фридриха III, когда Габсбурги еще не достигли настоящих вершин славы и могущества, загадочные буквы могли означать и что-нибудь более прозаическое. Существовало также множество комических и даже издевательских толкований A E I O U, например *Alles Erdreich ist Oesterreichs Unglueck* («Весь мир – причина несчастий Австрии») или – в связи с небывало удачной брачнодинастической политикой Габсбургов – *Alle Erbinnen in Oesterreichs Veruegung* («Все наследницы в распоряжении Австрии»).

Фридрих, несомненно, задумывался над тем, как обеспечить будущим поколениям Габсбургов привилегированное положение среди европейских монархов. В 1486 году он добился избрания своего сына Максимилиана римско-германским королем. С этого времени такая практика – избрание преемника еще при жизни государя – стала у Габсбургов постоянной. В то же время неумелая, вялая политика Фридриха привела к тому, что за время его правления империя стала совсем эфемерной, а самостоятельность немецких князей – почти ничем не ограниченной. Да и мог ли пользоваться авторитетом император, уступивший венграм даже столицу собственных родовых владений?

К падению своего престижа стареющий Фридрих III относился с поразительным равнодушием. Последние годы жизни он провел в Линце, поручив ведение государственных дел Максимилиану и занимаясь своими, как сказали бы сегодня, хобби – садоводством, алхимией и астрологией. Всю жизнь император как одержимый пытался найти способ превращения неблагородных металлов в золото, но это ему, конечно, не удалось. Ему вообще мало что удавалось. Судьба не отказала Фридриху лишь в одном своеобразном удовольствии: пережить всех своих врагов. Он умер 19 августа 1493 года, оставив своему наследнику сильную власть.

Сын и наследник императора Фридриха III Максимилиан I считается создателем габсбургской универсалистской политики. Он был правителем переходной эпохи: черпал политические идеи из Средневековья и в то же время был образован в новом духе – духе Ренессанса.

Его отец обращал первоочередное внимание на духовное обучение сына и его физическую подготовку. В юношестве Максимилиан живо интересовался охотой и рыцарскими турнирами. В трехлетнем возрасте он пережил осаду Вены войсками своего дяди Альбрехта, а также измену жителей города. Трудно сказать, остались ли эти события в памяти ребенка, тем не менее будучи уже правителем он предпочитал останавливаться в Винер-Нойштадте (где родился), а не в Вене.

После долгих переговоров с бургундским двором в восемнадцатилетнем возрасте Максимилиан венчался с дочерью герцога Карла Смелого – Марией. Брак, заключенный из политических соображений, оказался счастливым. Супружеская жизнь Максимилиана и Марии складывалась довольно счастливо, у них родились двое детей – Филипп и Маргарита. Супруги подходили друг другу: Мария Бургундская, по свидетельствам современников, была привлекательной, живой, веселой и неглупой женщиной, габсбургский принц характером тоже не походил на своего угрюмого и вялого отца. Позднее историки назовут Максимилиана «последним рыцарем»: в эпоху, когда средневековые традиции уходили в прошлое, он, казалось, служил их олицетворением. Галантный кавалер, неплохо для своего времени образованный человек, писавший аллегорические поэмы и оставивший нечто вроде политических мемуаров, Максимилиан был в первую очередь воином. Именно при этом императоре началось противостояние Габсбургов и Франции – борьба двух держав за гегемонию в континентальной Европе, продолжавшаяся с небольшими перерывами до второй половины XIX столетия.

Однако после пяти лет брака семейная идиллия была прервана. Мария, которая находилась на позднем сроке беременности, умерла вследствие несчастного случая на охоте. 24 марта 1482 года Максимилиан и Мария отправились на охоту. Лошадь герцогини понесла и сбросила всадницу. Травмы оказались тяжелыми, началось внутреннее кровотечение, и три дня спустя двадцатипятилетняя женщина скончалась. Для Максимилиана это означало не только личную трагедию, но и политическое поражение, поскольку, в отличие от супруги, он не пользовался большой популярностью у своих новых подданных. Герцогом Бургундским провозгласили маленького сына Максимилиана и Марии, Филиппа (позднее прозванного Красивым), однако отцу ребенка в регентстве было отказано. Борьба между Максимилианом и мятежными городами Нидерландов и Фландрии продолжалась до 1494 года, когда старший Габсбург официально передал сыну власть над этими провинциями.

Максимилиан долгое время не мог смириться с утратой – в течение многих лет после смерти жены, он, по некоторым данным, брал с собой в путешествие гроб с ее останками. После преждевременной смерти Марии ему формально стала принадлежать власть над Бургундией и Нидерландами, что делало его одним из самых могущественных европейских монархов. Однако часть бургундского наследства быстро досталась Франции. Еще когда Фридрих III был жив, Максимилиан был выбран римским королем, его коронация состоялась в Ахене 9 апреля 1486 года. В это время он вмешался в войну за наследство Карла Смелого в Нидерландах. С февраля по май 1488-го он находился в плену в Брюгге, откуда его освободил отец, прибывший туда со своими войсками. Конфликт закончился в 1489 году Франкфуртским миром. Год спустя Сигизмунд Тирольский передал Максимилиану власть над Тиролем. Тем самым было закончено более чем столетнее разделение Габсбургов на Альбертинскую и Леопольдинскую линии. Центральным городом Австрии в это время стал Инсбрук, в который Максимилиан перенес свой двор. Именно в Тироле он провел первые административные реформы, образцом для которых стала Бургундия времен его тестя Карла Смелого (после смерти отца похожие реформы он начал проводить на землях Нижней Австрии).

Бургундское наследство, полученное Габсбургами в результате брака Максимилиана I и Марии, заключалось не только в территориальных приобретениях. Своеобразной частью этого наследства стал орден Золотого Руна, основанный в 1429 году бургундским герцогом Филиппом Добрым. Орден, знак которого представляет собой золотого барашка на ленте, носимой на

шее, был основан как некое мистическое крестоносное братство «новых аргонавтов», призванных отправиться в поход за легендарным золотым руном, под которым в данном случае подразумевался Гроб Господень. Символика ордена, как утверждает исследовательница имперской идеологии Габсбургов Мария Таннер, весьма сложна и объединяет в себе целый ряд мифологем. Здесь и античное предание о героях-аргонавтах, и астрологическое значение Овна, олицетворяющего начало всех начал, первого знака в зодиакальном цикле из 12 созвездий, и древний «золотой век», повторное наступление которого, по канонам христианства, сопряжено со Вторым Пришествием Иисуса, и апокалиптический символ Христа – образ Агнца Божьего.

Эта религиозно-мистическая смесь была дополнена представлением об избранности бургундского дома, на который возложена великая миссия объединения мира под властью христианского государя, что, собственно, и станет началом нового «золотого века». Бургундские герцоги были главами ордена Золотого Руна и единственные обладали правом приема в него новых рыцарей. После гибели Карла Смелого, когда мужская линия бургундского рода пресеклась, орден стал габсбургским. В XVI веке, после разделения династии на австрийскую и испанскую ветви, возникли и два ордена Золотого Руна, во главе которых стояли соответственно римско-германский император и испанский король. Орден стал олицетворением притязаний Габсбургского дома на лидерство в христианском мире, веры Габсбургов в то, что непременно сбудется предсказание библейского пророка Даниила о четырех царствах, на смену которым придет царство Божие: «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан. 2, 44). Последним из земных царств должна была, по представлениям Габсбургов, стать их собственная империя.

События конца XV – начала XVI века, когда благодаря серии династических браков Габсбурги за пару десятилетий стали самой могущественной династией христианского мира, были столь ошеломляющи, что вполне закономерно сформировали у членов австрийского дома убеждение в собственной избранности и неизменном покровительстве, оказываемом Габсбургам высшими силами. В то же время эти события можно считать наградой за умелую и продуманную династическую политику Максимилиана I, который целенаправленно связывал членов своей семьи брачными узами с представителями царствующих домов Европы. Самой многообещающей из брачных комбинаций Максимилиана оказался двойной брак его детей, Маргариты и Филиппа, с Хуаном и Хуаной – детьми «католических величеств», основателей единого испанского государства Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Если испанскому принцу и его семье судьба не благоприятствовала – дон Хуан, его жена и маленький сын умерли один за другим в течение нескольких лет от болезней, – то брак Филиппа Красивого и Хуаны Кастильской положил начало габсбургской «империи, над которой никогда не заходит солнце». *Tu felix Austria nube...*

В 1505 году, после смерти ее матери Изабеллы, Хуана была провозглашена новой королевой Кастилии. Филипп, находившийся в Нидерландах, срочно прибыл в Толедо и добился от кастильских кортесов (сословного собрания) признания его соправителем жены. Однако царствовать Филиппу I Кастильскому пришлось недолго: выпив однажды холодной воды после игры в мяч, король простудился, началось осложнение, и 24 сентября 1506 года двадцативосьмилетний Филипп умер. После этого Хуана, чья психика была нестабильной с детства, сошла с ума и была по приказанию отца, Фердинанда Арагонского, ставшего регентом Кастилии, изолирована в замке Тордесильяс. Там злополучная королева в полной изоляции провела еще почти 50 лет своей трагической жизни. Сохранились сведения о том, что приставленная к Хуане стража грубо и жестоко обращалась с больной женщиной. Ни король Фердинанд, ни сын Хуаны Карл не сделали практически ничего, чтобы облегчить участь несчастной. Она умерла в 1555 году в возрасте 76 лет, войдя в историю как Хуана Безумная.

Максимилиан I культивировал средневековые рыцарские идеалы. За 40 лет он совершил 25 военных походов. О воинственном характере монарха свидетельствуют описания его активного участия в сражениях. В битве с французами под Гинегатом в 1479 году вместо того, чтобы сражаться среди своих рыцарей, он слез с коня и присоединился к отряду пехоты. В другой раз бросился на вражескую конницу и мужественно призывал воинов вступить в битву до того, как противник решится атаковать.

В том же году, вскоре после смерти короля Матиаша Корвина, Максимилиан вернул отобранную у Габсбургов Вену и другие австрийские земли. В 1490 году произошло еще одно важное событие. Вдовец заочно заключил брак с герцогиней Бретани Анной. Однако против выступил французский король Карл VIII, и через год этот брак был аннулирован. Анна отдала руку Карлу VIII, что только увеличило вражду Габсбургов и Франции. Вскоре между Германией и Францией вспыхнула война, которая закончилась миром, заключенным 23 мая 1493 года в Санлисе. Согласно договору, Максимилиан вернул себе утраченные бургундские земли. Год спустя он передал власть в Нидерландах сыну Филиппу и женился на Бьянке-Марии Сфорца – кузине миланского герцога Людовико Сфорцы. К женитьбе, вероятно, его склонило приданое Бьянки, которое составляло 400 тысяч дукатов наличными и 40 тысяч в драгоценностях. Брак не был удачным. Мария умерла бездетной в 1510 году.

После смерти отца в 1493-м Максимилиану отошло эрцгерцогство Австрия и полнота полномочий императора Священной Римской империи, хотя титул императора он получил только 4 февраля 1508 года, в соборе города Тренто. Чтобы укрепить позиции рода перед лицом Франции, в 1494-м Габсбург заключил союз с арагонским королем Фердинандом II и его женой Изабеллой Кастильской. Как уже было упомянуто, союз скрепил брак дочери Максимилиана Маргариты с сыном Фердинанда Хуаном, а также брак Филиппа с дочерью Фердинанда Хуаной. Австро-испанский союз долгие годы представлял для Франции серьезную угрозу. Одной из главных идей Максимилиана стали планы по завоеванию Константинополя. С этой целью он вступил в основанную в 1495 году Священную лигу, главной целью которой была защита Европы от турецкой угрозы. На юго-восточной границе Австрии Максимилиан возвел сеть укреплений. При этом император проводил и активную внутреннюю политику. В 1495 году на всеобщем рейхстаге Священной Римской империи в Вормсе он заявил о начале реформы налогообложения. Введение всеобщего налогообложения должно было принести средства для войны с Османской империей и Францией. На последующих рейхстагах вспыхивали острые споры, и в результате в 1505 году он был вынужден отказаться от нововведений. На это решение повлияли приграничные споры между Тиролем и Швабией, а также поражение Максимилиана в войне в Швейцарии, значительно ослабившее имперские позиции. В контексте предпринятых на территории империи реформ Максимилиан старался подавить мелкие распри, которые были способом решения споров не только между крупными аристократами, но и между мелкими рыцарями. Он провозгласил в стране «вечный мир».

Удачно складывались династические комбинации императора. Хотя Максимилиан не короновался в Риме, Папа в 1508 году позволил ему именоваться «избранным римско-германским императором». С тех пор до самого конца Священной Римской империи ни один ее монарх не был коронован по средневековому обряду главой католической церкви. В 1515-м в Вене состоялась двойная свадьба: Фердинанд, младший внук императора, был обручен с Анной Ягеллонкой, дочерью Владислава II, короля Венгрии и Чехии, а сын последнего Людовик пошел под венец с императорской внучкой Марией. Так породнились две самые могущественные на тот момент династии Центральной Европы. В скором времени оказалось, что и от этих браков выиграли исключительно Габсбурги. В 1526 году, после гибели двадцатилетнего Людовика Ягеллона в битве с турками при Мохаче (Венгрия), Фердинанд унаследовал чешскую и венгерскую короны, которые оставались у Габсбургов до 1918 года.

Вместе с Папой Максимилиан выступал за религиозную унию с Московским княжеством. Этим планам способствовали его дружественные отношения с Великими московскими князьями – Иваном III и Василием III. Однако религиозная уния так и не была заключена. В конце жизни император планировал принять духовный сан и объединить тем самым две самых высоких должности в христианском мире – императора и Папы.

Активная внешняя политика (военные походы, в которых принимало участие наемное войско) и содержание двора требовали громадных финансовых затрат. Рост долгов Максимилиан частично покрывал предоставлением привилегий, а также кредитами, которые ему предоставлял аугсбургский банкир Якоб Фуггер. Максимилиан умер 12 января 1519 года в возрасте 60 лет. Похоронен в капелле Святого Георгия в замке Винер-Нойштадт.

В 1519 году внук Максимилиана Карл был избран королем, а вскоре стал императором Священной Римской империи под именем Карла V. Предвыборная борьба была ожесточенной и вынудила Карла прибегнуть к материальной помощи немецких банкиров – Фуггеров и Вельзеров. С этого момента начались финансовые неприятности императора, преследовавшие его всю жизнь. Подкупленные курфюрсты склонились на сторону Габсбурга, и в мае 1520-го Карл V короновался в Ахене, древней столице своего предшественника и тезки Карла Великого. Карл правил империей, Австрией, Богемией, Нидерландами, Испанией и испанскими заморскими владениями. В 1521 году он сделал своего брата, эрцгерцога Фердинанда, правителем придунайских земель Габсбургов, к которым относились собственно Австрия, Штирия, Каринтия, Крайна и Тироль.

Карл V, появившийся на свет 24 февраля 1500 года в Генте (ныне Бельгия), вырос в землях, доставшихся Габсбургам от Марии Бургундской. Он на всю жизнь сохранил привязанность к своим северным владениям, где часто бывал и которые впоследствии избрал для своего добровольного ухода из политической жизни. Маргарита, дочь Максимилиана I, воспитывала племянников и племянниц в духе бургундской придворной культуры: родным языком будущего императора был французский (ирония судьбы – ведь именно Франция оказалась наиболее сильным и последовательным противником Карла V). Испанским и немецким Карл овладел позже, кроме того, он неплохо знал латынь. Своих родителей мальчик почти не видел: Филипп Красивый умер, когда его старшему сыну было 6 лет, Хуана же из-за душевной болезни не могла быть нормальной матерью своим детям. И это обстоятельство, и особенности воспитания способствовали тому, что Карл с малых лет научился принимать самостоятельные решения, не советуясь ни с кем, кроме Бога.

Вопрос о том, кем был Карл V – последним императором Средневековья или же одним из первых европейских монархов Нового времени, до сих пор не решен историками окончательно. Главным аргументом в пользу первого вывода служит тот факт, что Карл с юных лет не только был убежден в своей особой миссии как главы наиболее могущественной династии христианского мира, но и твердо знал, в чем заключается эта миссия: в создании единой христианской монархии, главой которой он видел себя. Идея совершенно средневековая, мечта, к осуществлению которой на протяжении многих столетий стремилось большинство наследников Карла Великого и Оттона I. Поэтому, добиваясь реализации своего горделивого девиза «Plus ultra» – «Превыше всего» (или всех?), – Карл V был обречен на конфликт с новыми силами, выходившими на историческую арену в XVI столетии. Религиозным выражением стремлений этих сил была Реформация, начавшаяся в Германии в 1517 году, когда юный габсбургский принц еще не был вершителем судеб Европы. Первым прямым столкновением Карла V с протестантами и их вождем Мартином Лютером стал Вормсский рейхстаг (собрание представителей сословий империи) 1521 года.

Карл выступил перед рейхстагом с собственноручно написанной речью, которую можно считать символом его веры и одновременно политическим манифестом. Император поклялся «сохранить все, что мои предки и я сохранили на сегодняшний день, и в особенности то, что

мои предки постановили, в том числе и на Констанцском соборе». Карл обещал «отдать все этому делу: мои королевства и мои владения, моих друзей, мое тело, мою кровь, мою жизнь и мою душу». Может быть, если бы Лютер на Вормсском рейхстаге произвел на Карла большее впечатление, события развивались бы иначе. Однако молодой император ограничился презрительным замечанием: «Ну, этот не совратит меня в свою ересь», хотя и признал, что «монах говорил бесстрашно и смело». К несчастью, ни одна масштабная задача, поставленная Карлом перед самим собой, решена не была. Уничтожить Францию как великую державу и превратить ее в покорного вассала империи Габсбургов, как на том настаивал Меркурино Гаттинара, первый канцлер императора, не удалось.

В 1526 году войска Сулеймана Великолепного вторглись в Венгрию. Междоусобицы внутри правящего класса страны облегчили победу турок, и 29 августа цвет венгерской конницы был уничтожен на поле Мохача, а столица Буда капитулировала. Бежавший после разгрома у Мохача молодой король Людовик II погиб. Как было отмечено ранее, после его смерти Чехия (с Моравией и Силезией) и Западная Венгрия отошли к Габсбургам.

После этих трагических событий турецкая экспансия на юго-востоке Европы приняла устрашающие размеры. В 1529 году османские полчища подступили к стенам Вены, однако защитникам города удалось отбить оба штурма, предпринятые турками. Но в 1541 году османы взяли столицу Венгрии – Буду, которая оставалась под их властью более 140 лет.

Князья-протестанты объединились в союз, с которым шла настоящая война, закончившаяся случайной, нечаянной победой Карла V. Император сам множил число своих врагов. Саксонского курфюрста Иоганна Фридриха Саксонского, прозванного Великодушным, он вначале приговорил к смерти, затем под давлением своих приближенных сохранил пленному курфюрсту жизнь, но отнял у него все владения и передал их герцогу Морицу Саксонскому. Ландграф Гессенский, женатый на дочери Иоганна Фридриха, активно заступался за тестя и был по приказу Карла брошен в тюрьму. Герцогу Ульриху Вюртембергскому император приказал на коленях молить о пощаде. Возможно, именно пережитые унижения, а не военный разгром, заставили протестантских вельмож вновь вернуться к мысли о сопротивлении и мести надменному монарху. Одним из немногих благородных поступков Карла V той поры был отказ, которым он ответил на предложение герцога Альбы выкопать из могилы тело Лютера и сжечь его. «Оставьте его в покое, – ответил император, – у него теперь другой Судья. Я воюю с живыми, а не с мертвыми».

Войны, религиозные диспуты, распри, борьба с реформаторами церкви, с германскими князьями – не только это определяло действия Карла в последние годы его правления. Карл V был неординарной личностью, и движения его души определялись не только характером военного и политического противостояния в империи. К пятидесяти годам (для XVI столетия – почтенный, почти старческий возраст), 30 из которых он провел на троне империи, Карл безмерно устал. Изменчивость фортуны, постоянное чередование побед и поражений приводили его, человека глубоко религиозного, к мысли о том, что его дело, быть может, не является делом Божиим, если Господь не позволяет ему добиться окончательной победы над врагами. Не исключено, что эти соображения подтолкнули Карла к решению, невиданному в истории европейских монархий со времен римского императора Диоклетиана, – отречению от престола.

Всю жизнь Карл V оставался одиноким человеком. Императору повезло: его придворным живописцем был Тициан, и портреты монарха, написанные великим художником, передают многие особенности характера Карла. Одна из главных – одиночество, возникшее не в результате неблагоприятных обстоятельств, а по доброй воле самого императора, осознававшего собственную исключительность. Это не была надменность или гордыня, а лишь спокойное понимание того факта, что с самого рождения он поставлен на такую высоту, на которой его судьей может быть лишь Бог. Но чем абсолютнее власть человека над другими людьми, тем

тяжелее бремя этой власти. Отсюда, наверное, то смятение духа, которое охватило императора в его последние годы и стало одной из важнейших причин отречения.

Отношения Карла V с семьей отличались такой же отстраненностью, как и с остальными людьми. В 1526 году Карл женился на португальской принцессе Изабелле. Из 13 лет брака почти половину император провел вне Испании, где оставалась его жена, исполнявшая обязанности регентши. Супружество было многодетным: у Карла и Изабеллы родились трое сыновей (взрослого возраста достиг лишь старший – будущий испанский король Филипп II) и две дочери. Рождение последнего ребенка стоило тридцатипятилетней Изабелле жизни. Об отношении императора к женщинам свидетельствует его наставление сыну Филиппу накануне вступления последнего в брак:

«Когда окажетесь вместе со своей супругой, – пишет заботливый отец, – будьте весьма осторожны и поначалу не допускайте чрезмерного напряжения сил, дабы не понести физический ущерб, ибо это может нанести вред росту тела и его силе, а часто вызывает такую слабость, что делает невозможным появление потомства и даже может погубить вас».

Впрочем, сам Карл V не всегда действовал в соответствии с собственными пуританскими советами сыну: в противном случае на свет не появился бы дон Хуан Австрийский (1547–1578) – будущий победитель турок в морской битве при Лепанто, плод связи императора с Барбарой Бломберг, дочерью богатого регенсбургского горожанина.

Смолоду преследовали Карла V и серьезные проблемы со здоровьем. Он часто простужался и, вероятно, страдал хроническим гайморитом – отсюда полуоткрытый рот на многих изображениях императора. Но главной бедой Карла стала подагра – болезнь, вызванная неправильным обменом веществ. Первые серьезные приступы этого недуга он перенес, когда ему не было и сорока лет. С течением времени болезнь возвращалась все чаще, и порой император неделями был ограничен в движении, не мог ездить верхом и даже в карете. (Видимо, именно поэтому любимым средством передвижения Карла был корабль.) При этом он не ограничивал себя в жирной и острой пище, любил выпить – словом, не соблюдал даже тех примитивных и не всегда верных рекомендаций, которые давали ему лекари. К середине 1550-х годов одиночество и болезни, похоже, сломили императора.

Бегство Карла V в Нидерланды, предварявшее его официальный уход из политики, пошло на пользу делу религиозного примирения в империи. Более покладистый и дипломатичный Фердинанд после нескольких лет раздоров, охвативших Германию, сумел договориться с протестантами о мире, который был заключен в Аугсбурге в 1555 году. По выражению немецкого историка Ф. Ангермайера, это была «победа политики над религией», поскольку практическая необходимость и неизбежность сосуществования обеих конфессий заставила даже самых непримиримых католиков и протестантов поступиться принципами. Главным положением Аугсбургского мира стало *Cuius regio, ejus religio* («Чья власть, того и вера») – что означало необходимость для подданных каждого из субъектов империи избрать ту конфессию, к которой принадлежал глава этого субъекта. Двадцать пятого октября 1555 года в три часа пополудни по приказу Карла V представители нидерландских сословий собрались в большом зале императорского дворца в Брюсселе. Здесь когда-то был провозглашен совершеннолетним юный габсбургский принц, ставший теперь пожилым, явно нездоровым мужчиной с вытянутым усталым лицом, характерной выступающей вперед «габсбургской» нижней губой и седеющей бородой. Негромким голосом Карл V произнес речь, в которой подвел итог своего многолетнего правления. Ноты смирения и бегства от мирской суеты, к чему так стремился усталый монарх, слышались в его словах, которые, по свидетельствам современников, произвели большое впечатление на присутствовавших в зале брюссельского дворца. Формально речь Карла V была отречением от власти в пользу сына только в бургундских владениях Габсбургов, то есть в Нидерландах.

Тремя днями раньше, однако, произошло другое знаменательное событие: император сложил с себя полномочия великого магистра ордена Золотого Руна, которые были привилегией главы Габсбургского дома, и передал их сыну Филиппу, что было весьма спорным шагом, учитывая запутанность вопроса о преемнике Карла. Позднее, в январе 1556 года, Филиппу II была отдана власть в испанских и итальянских владениях Габсбургов. Императорская корона формально оставалась у Карла, хотя все полномочия главы империи давно уже были в руках Фердинанда. Только в марте 1558 года, когда его старшему брату оставалось жить лишь несколько месяцев, Фердинанд I (1558–1564) с согласия курфюрстов был провозглашен новым римско-германским императором. Эпоха Карла V завершилась.

Отрекшийся император уехал в Испанию, где в монастыре Сан-Херонимо-де-Юсте для него был построен домик – нечто вроде комфортабельной кельи. Впрочем, уединение Карла не было монашеским: проводя значительную часть времени в молитвах, он, тем не менее, воздавал должное обильной еде и питью, от пристрастия к которым не избавился и в старости, вел активную переписку с Филиппом II, которого забрасывал политическими советами, а когда позволяло здоровье, работал в саду. Бывший император, испытывавший интерес к технике, собрал уникальную коллекцию часов, с которой связана следующая легенда.

Однажды Карл отремонтировал двое часов и хотел, чтобы они шли одинаково, минута в минуту, но это ему не удавалось. «Я не могу справиться даже с часами, – воскликнул экс-император, – как же я мог мечтать привести к согласию многие народы, живущие под разным небом и говорящие на разных языках?»

Здоровье Карла быстро ухудшалось. Чувствуя близкий конец, Карл V вопрошал молчаливые небеса: почему, несмотря на внешний блеск, вся его жизнь оказалась большой неудачей – и хотя ему, в соответствии с данным в ранней молодости обещанием, удалось «сохранить все, что сохранили предки», все остальные его честолюбивые планы пошли прахом. Была ли это расплата за грехи, гордыню, жестокость? Что готовит для него Господь за порогом смерти? Ответ на этот вопрос некогда самый могущественный человек Европы узнал 21 сентября 1558 года, когда его земной путь подошел к концу.

Решение Карла V передать брату бразды правления Австрией было вызвано тем, что владения Габсбургов слишком уж разрослись, и управлять ими из одного центра при тогдашних средствах связи и транспорта представлялось затруднительным. Позднее Карл, убедившись в чрезвычайной запутанности германских дел, стал подумывать и о том, чтобы сделать Фердинанда своим наследником и помощником во всей империи. При этом император вынужден был пожертвовать интересами своего сына Филиппа. В 1531 году младший брат императора был избран римским королем. В то же время наследником Карла в Испании, Неаполе, Нидерландах и на Сицилии оставался Филипп. Так габсбургский дом разделился на две ветви – австрийскую и испанскую, сохранив при этом внутреннее единство – ибо между Веной и Мадридом в каждом поколении возникали тесные (с генетической точки зрения – даже слишком) родственные связи, а политические интересы обеих ветвей практически нигде и никогда не пересекались. Разделение власти между братьями не подорвало доминирующие позиции Габсбургов на западе и в центре Европы.

Внешне Фердинанд I был еще большим Габсбургом, чем его брат. Сохранившиеся изображения свидетельствуют об этом: оттопыренная нижняя губа, орлиный нос, длинное лицо – типичные габсбургские черты. А вот по характеру младший брат не походил на старшего, отличаясь от него спокойствием, рассудительностью и осторожностью. Он был весьма образован, в числе его воспитателей был знаменитый философ-гуманист Эразм Роттердамский, прививший молодому принцу такие качества, как терпимость и сдержанность. Будучи набожным католиком, Фердинанд I, тем не менее, всегда ставил политические интересы выше религиозных. Фердинанд был менее жесток и непреклонен, чем Карл, о чем можно судить по замечанию

одного венецианского дипломата: «Немцы любят короля и не боятся его; чехи его не любят, но боятся; венгры же и не любят, и не боятся».

Отношения между Фердинандом и Карлом V не были идиллическими. Еще в ранней юности Карл довольно бесцеремонно выгнал брата из Испании, боясь конкуренции с его стороны. Да и позднейшие шаги императора, в том числе передача Фердинанду полномочий имперского наместника и возведение его в ранг римско-германского короля, были продиктованы скорее политической необходимостью, чем братской любовью. В конце 40-х годов Фердинанду пришлось отстаивать свои права в династическом споре – после того, как колеблющийся император вознамерился все-таки сделать своим преемником Филиппа. Тем не менее к концу правления Карла V Фердинанду удалось стать весьма влиятельной фигурой в Германии. Главным достоинством короля было то, что он понимал природу политики как «искусства возможного» и, в отличие от императора, никогда не увлекался несбыточной мечтой о всемирной монархии. За это, впрочем, его ждала двойная расплата.

Фердинанд был вынужден поделить власть с курфюрстами, позволившими ему в 1558 году стать обладателем императорской короны. После официального признания Фердинандом I коллективной ответственности его и имперских князей за состояние дел в империи надежды на создание в Германии централизованной монархии рухнули. Для габсбургского дома это означало, что среди правящих немецких династий он по-прежнему *primus inter pares* (первый среди равных), но не более. Таким образом, внимание Габсбургов переключалось с дел имперских на состояние их многочисленных наследственных владений.

Сам Фердинанд I вошел в историю бледной тенью своего великолепного, хоть и неудачливого брата. Карл и побеждал, и проигрывал торжественно, с достоинством, по большей части – на поле битвы. Неброский, тихий Фердинанд воевать не любил, сражениям предпочитал переговоры, а борьбе на уничтожение – разумный компромисс. Именно поэтому ему и удалось сделать то, чего безуспешно добивался Карл V – на долгое время обеспечить религиозный мир и сохранить единство империи.

В семье Фердинанда произошла романтическая любовная история.

...Господь Бог уготовил этой девушке необычную судьбу. Ей, купеческой дочке по рождению, суждено было сломать стереотипы, переступить через предрассудки, преодолеть, казалось бы, непреодолимые барьеры и вписать свое имя в историю императорской династии Габсбургов.

Филиппина Вельзер родилась в 1527 году в Аугсбурге. Точная дата ее рождения неизвестна, но ясно одно – расположение звезд в момент ее рождения было весьма благоприятным. Она происходила из одного из крупнейших и богатейших купеческих родов Германии. Вельзеры по своему богатству могли сравниться разве что с Фуггерами. Вельзеры получили в залог территорию Венесуэлы, ссудив императору Карлу V несколько тонн золота.

Дядя Филиппины, могущественный и влиятельный Варфоломей Вельзер, был очень разочарован, что у его брата родилась девочка. Куда предпочтительнее был бы племянник, чтобы передать ему в будущем дела торговой империи (его единственный собственный сын трагически погиб от рук индейцев на Амазонке во время торговой экспедиции). Уже в юные годы Филиппина выделялась из большинства девушек своего сословия любознательностью, острым умом, свободолобивым нравом, целеустремленностью (эти качества она пронесла через всю жизнь). Она также славилась редкой красотой и грациозной осанкой. По словам одного итальянского скульптора, побывавшего в Аугсбурге, «кожа ее была такой чудесной марморной белизны, что красное вино, которое она пила, просвечивалось сквозь кожу ее горла».

Филиппина очень интересовалась искусством приготовления блюд, с юности вела книгу, куда записывала опробованные рецепты (оригинал этой книги хранится сейчас в замке Амбрас, копия – в Венском музее искусств). Она также владела итальянским языком и обла-

дала безупречными манерами. Дядя Варфоломей с большим сожалением отметил для себя, что она единственная в семье его брата обладает ценными деловыми качествами. Но было совершенно исключено, чтобы женщина возглавила торговую империю.

Обладая набором таких завидных качеств, девушка, которая к тому же принадлежала к династии богатых влиятельных купцов, не могла пожаловаться на недостаток претендентов на ее руку. Каждый холостой молодой человек в Аугсбурге считал бы за честь ввести в свой дом такую хозяйку. Родители не торопили дочку с замужеством, предоставив ей самой право выбора мужа (что для того времени было очень непривычно). Проходили годы, а в личной жизни Филиппины не было никаких изменений.

Отцвела пора зеленой юности. Филиппине исполнилось 29 лет – по тем временам «перезрелая старая дева». И уже было самое время всерьез подумать о своем будущем. Если она не хотела оказаться в монастыре, то надо было срочно соглашаться на предложение руки и сердца от первого попавшегося. Но внутренний голос подсказывал ей, что надо еще немного подождать...

Фердинанд I и его жена Анна Богемская и Венгерская были очень религиозными и консервативными людьми и воспитывали своих троих сыновей в строгих моральных принципах. Они уделяли много внимания тому, чтобы Максимилиан, Фердинанд и Карл приобрели качества, необходимые в будущем для их высокого статуса. Их учили быть бережливыми, скромными, сдержанными в разговоре, отвечать лишь тогда, когда их спросят. Они должны были стоять, сняв берет, перед столом отца до тех пор, пока тот не позволит им сесть.

Несмотря на свой высокий статус, братья не были избалованы. В то время как их сестрам преподавались в основном такие «женские» дисциплины, как ведение домашнего хозяйства, в образовании мальчиков особое внимание уделялось иностранным языкам. Фердинанд-отец сам вырос в Испании, его жена – в Венгрии. Кроме родных языков родителей мальчикам еще преподавался немецкий – язык их родины, позже – латынь, язык образованных людей. Они также могли объясниться на французском, итальянском и чешском. Вскоре отец посылает двух старших сыновей в Нидерланды – ко двору своего старшего брата, императора Карла. Думал ли Фердинанд-старший о том, какие искушения ожидают его сыновей, когда они вылетят из строгого родительского гнезда в мир, полный соблазнов? В Нидерландах братья впервые познали неведомые им ранее радости жизни – пиры, вечеринки, танцы, женщин.

Юноши с изумлением рассматривали разряженных фавориток придворных аристократов, которые сидели за столом рядом с законными женами своих любовников. Они густо краснели при виде смелого декольте, которым дамы пытались привлечь внимание неопытных юнцов. Вместо простых блюд, к которым они привыкли дома, здесь к столу подавались изысканные деликатесы и редкие вина. Последним Максимилиан и Фердинанд были не силах противиться – это помогало им преодолеть скованность при общении с женским полом. Вскоре оба юноши стали отцами внебрачных детей. Особенно безудержно предавался при дворе дяди-императора плотским утехам старший Максимилиан. Его младший брат Фердинанд официально признал отцовство только одного внебрачного ребенка – дочери Вероники.

Вскоре до ушей отца-короля дошли слухи об образе жизни сыновей. Он начал слать сыновьям настойчивые увещания и призывать вести себя более скромно и достойно. Слова отца сильнее подействовали на Фердинанда, у которого с отцом были более доверительные и теплые отношения, чем у его брата.

Фердинанд с годами превратился в интересного привлекательного мужчину, по которому вздыхала не одна княжеская или графская дочка. Но никто не смог завоевать его сердца, а отец пока не торопил среднего сына с женитьбой, так как он не был наследником короны. Доподлинно неизвестно, где произошло первое знакомства Филиппины со своим будущим мужем – эрцгерцогом Фердинандом. Теоретически самая первая встреча молодых людей могла произойти во время очередного рейхстага, проходившего в Аугсбурге в 1547–1548 годах, куда

молодой Фердинанд мог приехать в составе свиты своего дяди императора Карла V, наверняка император встречался с Вельзерами в связи с финансовыми вопросами. Но вероятнее всего, они впервые встретились в 1556 году в замке Брежнице в Богемии, который принадлежал родной тетке Филиппины – Катарине. Вдовая тетка не жила затворницей, а, наоборот, была радушной хозяйкой, часто принимала у себя гостей из высшего света и сама наносила визиты. А Фердинанд, выполняя административные поручения отца в Богемии, по дороге часто заезжал в замок.

Есть версия, что дядя Филиппины специально подстроил эту встречу, чтобы укрепить свои связи с императорской семьей.

Фердинанд просто потерял голову от любви и мысленно поблагодарил Бога, что до сих пор давал ему силы сопротивляться против навязываемых отцом кандидаток в жены. Наверняка влюбленные провели много бессонных ночей в тревожных мыслях о том, как им быть дальше со своими чувствами. Немыслимо было представить, чтобы габсбургский эрцгерцог, сын императора Священной Римской империи получил разрешение на брак с простолюдинкой, ведь несмотря на несметные богатства семья Филиппины была недворянского происхождения. Конечно, влюбленные прекрасно осознавали всю сложность ситуации. И все же Фердинанд не мог отказаться от девушки, а сделать ее просто своей любовницей ему не позволяли честь и совесть. Он прекрасно знал, чем лично он рисковал. Но его избранница подвергалась еще большему риску. Многим была известна печальная судьба Агнес Бернауэр, которая жила столетием раньше. В нее, тоже простолюдинку из Аугсбурга, влюбился Альбрехт, наследник баварского престола из династии Виттельсбахов и тайно обвенчался с ней. Отец-герцог почувствовал опасность для династии и, выбрав удобный момент, когда сына не было дома, приказал утопить Агнес в Дунае как ведьму, приворожившую сына. Есть только одна возможность – повенчаться. Тетка Катарина была посвящена в рискованный план влюбленных и вызвалась найти священника, согласного обвенчать пару по католическому обряду. Священника, который сжалился над влюбленными, звали Йоганн фон Кавалери. Венчание произошло морозной январской ночью 1557 года в часовне замка Брежнице в присутствии нескольких самых близких друзей, посвященных в тайну влюбленных.

Не было ликующего песнопения, венценосных гостей в золоченых одеждах, украшенного цветами свадебного кортежа. Но несмотря на это заключенный в эту ночь брак оказался одним из самых счастливых союзов в истории династии Габсбургов.

Венчание не решило все проблемы. Филиппина и Фердинанд по-прежнему не могли показываться на людях вместе, как подобает мужу и жене. Они наслаждались своим счастьем украдкой. Каждый вечер Фердинанд тайком прокрадывался в спальню жены, опасаясь посторонних глаз.

Но эту тайну невозможно было долго скрывать. Многим стало казаться подозрительным, что Филиппина подолгу живет у тетки, а Фердинанд последнее время что-то зачастил в Брежнице. Они часто прогуливались вместе в парке, при этом Филиппину ради приличия сопровождала тетка.

Ситуация стала еще более осложняться, когда выяснилось, что Филиппина ждет ребенка. В моде были платья с завышенной талией, которые скрывали округлившийся живот, и долгое время никто не замечал ее «интересного» положения. В ночь святого Вита в 1558 году появился на свет первый сын супругов – Андреас. Роды принимали тетка Катарина, ее старшая дочь, а также заранее найденная кормилица Анна Эбезам. Роды были тяжелые и продолжительные, женщины давали Филиппине травяные отвары и молились Деве Марии, чтобы она помогла роженице благополучно разрешиться от бремени... Их тревоги были обоснованы – у Филиппины с юности было слабое здоровье. По заранее придуманному хитроумному плану новорожденное дитя положили у ворот замка, а ничего не подозревающий привратник нашел «подкидыша» и принес его хозяйке замка. Филиппина «вызвалась» воспитывать «подкидыша»

как родного сына. Этим самым она получила возможность растить своего ребенка сама, не бросив при этом тень на свой моральный облик.

Внук императора Священной Римской империи – подкидыш! Эту тайну невозможно было долго скрывать и вскоре до двора отца – императора Фердинанда I (который недавно принял корону от своего брата Карла) в Праге дошли слухи, что его средний сын сожительствует с девицей Вельзер и, возможно, тайно женат на ней.

Сейчас трудно установить, в какой именно момент отец узнал о браке сына. Но известно, что у императора из всех его сыновей самые лучшие отношения были именно с Фердинандом. Вполне возможно, что сын сам доверил отцу свою тайну. Теоретически во власти отца было добиться у Ватикана расторжения этого брака, но он этого не сделал. И хотя он не признал брак любимого сына официально, но он разрешил ему оставаться в тайном браке с Филиппиной и взял клятву молчания у всех, кто был посвящен в эту тайну. Дети от брака Фердинанда и Филиппины не имели права претендовать на престол, за исключением случая, если всем остальным ветвям династии Габсбургов будет грозить вымирание. Вскоре у Филиппины рождается второй сын – Карл, и его тоже «подбрасывают» к воротам замка, чтобы его собственная мать могла его «усыновить» и растить как своего.

В 1561 году император подписал тайный указ, оговаривающий финансовую ситуацию Филиппины и детей. Сыновьям из казны ежегодно выделялось 30 тысяч гульденов, их матери также причиталась сумма, позволяющая вести безбедный образ жизни.

В 1562 году у Филиппины рождаются близнецы Мария и Филипп, которые умирают вскоре после рождения. И тот факт, что император приказал тайно похоронить покойных внуков в императорском склепе в Праге, явно говорит о том, что он принял брак сына, по крайней мере сердцем.

Вообще-то с учетом реалий XVI века Фердинанд и Филиппина добились максимально благоприятного решения своей проблемы. Но они надеялись также на личное примирение с отцом. Кто знает, возможно, что так бы оно и случилось, если бы император скорострительно не скончался. Но нельзя утверждать это наверняка – слишком консервативны были законы того времени, где каждое сословие знало свое место, слишком непоколебимы были моральные устои монархии. Супругам «повезло», что Фердинанд не был старшим сыном и наследником престола, иначе неизвестно, чем обернулось бы их тайное венчание.

Филиппине не было суждено познакомиться лично ни со своим свекром, ни с братьями мужа. Круг ее общения составляли в основном богемские и немецкие дворяне. Хотя Филиппина никогда лично не встречалась со свекром, но история ее любви не переставала вдохновлять художников разных столетий.

Вступивший в 1564 году на трон после смерти отца старший брат Максимилиан поручил Фердинанду управление провинцией Тироль. Фердинанд с радостью воспринял известие о переезде в Инсбрук – город, где прошло его счастливое детство, но пришлось немного переждать – в Тироле и приграничных областях свирепствовала чума. Прибыв в Тироль, Фердинанд первым делом принялся искать подходящее жилье для жены и детей – брак все еще был тайной для широкой общественности, и семья не могла жить вместе с ним в официальной резиденции в Инсбруке. Он был несказанно рад подвернувшейся счастливой случайности, приобретая замок Амбрас близ Инсбрука, и сразу подарил его жене. Для Фердинанда было важно обеспечить будущее жены и сделать ее финансово независимой – на случай, если с ним что-то случится. Замок был отремонтирован и обставлен по вкусу Филиппины. Денег на это эрцгерцог не жалел, пригласил самых известных мастеров, покупал лучшие произведения искусств.

В парке замка можно было увидеть редкие цветы, экзотических животных и птиц, лабиринты из кустов. Специально проложенная система труб снабжала парковые фонтаны водой с гор.

В саду был разбиты грядки с травами, которые Филиппина выращивала для приготовления лечебных снадобий. В личных покоях супругов была оборудована отдельная кухня, чтобы хозяйка иногда могла баловать мужа собственноручно приготовленными лакомствами. Население Тироля сначала настороженно отнеслось к «любовнице» эрцгерцога, и многие местные дворяне воздерживались от знакомства с ней. И хотя Фердинанд продолжал придерживаться уговора с отцом и не появлялся с женой на людях, тем не менее вскоре всем в Тироле стало ясно, какое влияние на их правителя имеет красавица Филиппина. Слава о гостеприимстве и красоте хозяйки замка Амбрас разнеслась далеко за пределы Тироля. Герцог Альфонсо из Феррары поблагодарил пару за гостеприимство охотничьими собаками. Двор в Мюнхене также находил хозяйку приятной и достойной общения. А Папа Римский Григорий XIII – расширил личному священнику Филиппины полномочия при отпущении грехов и послал ей освященные лично им четки (розарий) и крест – и это еще до признания Ватиканом ее брака с эрцгерцогом. Родные сестры Фердинанда Магдалена, Маргарита и Хелена, монахини из соседнего монастыря в Халле, были частыми гостями у невестки в замке Амбрас.

Филиппина занималась благотворительностью, заботилась о бедных и не считала зазорным посещать хижины бедняков. Каждой своей служанке она дарила к свадьбе дорогое платье.

Просители часто обращались напрямую к Филиппине, зная, что если она замолвит слово, то эрцгерцог наверняка не сможет отказать жене. Письма к ней часто начинались словами: «Светлейшая и высокородная княгиня (или эрцгерцогиня) Филиппина Австрийская...» (хотя у нее был «лишь» титул маркграфини фон Бургау, выхлопотанный Фердинандом).

Фердинанд ни в чем не отказывал жене, он осыпал ее подарками и выделял средства на ее благотворительные замыслы. У него были на это все причины: она была внимательной женой, любящей матерью и умелой хозяйкой. Замок Амбрас был для эрцгерцога местом, где он охотно проводил все свободное время и черпал жизненную энергию. Для себя он оборудовал в замке мастерскую, где учился у столяра, кузнеца и стеклодува их мастерству и изготавливал различные предметы.

После рождения близнецов и без того слабое здоровье Филиппины ухудшилось. Боли и тошнота преследовали ее до конца жизни. Наверное, именно состояние собственного здоровья и вызвало ее интерес к лечебным травам и врачеванию.

В замке была оборудована аптека, где Филиппина могла проводить опыты по смешиванию трав и эссенций, приготовлению мазей, микстур и снадобий. Она изучала существовавшую тогда литературу по фармакологии, медицине и ботанике. Она снабжала снадобьями членов своей семьи, окрестных жителей, османских пленных, а также одного «московита» (пленника? купца?).

Надо помнить, что такого рода увлечение в те далекие времена отнюдь не было безобидным, это было часто связано с риском быть заподозренной в колдовстве. Почти каждое необычное увлечение или дарование, тем более в сочетании с необыкновенной красотой, могли иметь печальные последствия, слишком тонка была грань между знахарством и «пактом с дьяволом». Но к счастью для Филиппины ее положение было довольно высоким в сравнении с другими знахарками, чтобы кто-то посмел выдвинуть подозрение против нее. В 1576 году вопрос об официальном признании брака снова встал ребром. Старший сын Фердинанда Андреас готовился к посвящению в кардиналы, и для этого необходимо было подтверждение его рождения в законном браке. После показаний свидетелей, которые присутствовали при венчании в Брежнице, брак был официально признан Папой Римским. Наконец супруги могли показываться на людях и вместе наносить официальные визиты. Брак был признан законным, но не «равным», то есть супруга не носила титул эрцгерцогини, а дети не имели права престолонаследования. Через пару столетий такой брак называли бы морганатическим.

Гости охотно посещали замок Амбрас. Не только потому, что там устраивались театрализованные и музыкальные представления, лотерейные розыгрыши, но также не в последнюю

очередь потому, что в замке отменно готовили и любили вкусно поесть. Некоторые европейские дворяне посылали своих поваров на обучение в Амбрас. По сохранившимся домовым книгам и счетам можно судить, насколько разнообразно было питание. В обычные дни к столу подавали 24 блюда. Ежедневно кухня замка потребляла тысячу фунтов мяса, не считая дичи, 100 фунтов жира. Филиппина, как верующая католичка, строго следила за соблюдением постов. Во время постов рыба заказывалась тоннами, сыр из Голландии – центнерами. Устрицы, виноград и цитрусовые завозились из Италии. Когда к обеду ожидалось особо почетные гости, Филиппина с теткой лично контролировали процесс приготовления блюд на кухне.

С годами Филиппина чувствовала себя все хуже и хуже. К постоянным болям внизу живота добавились боли в печени, частое головокружение, ноги стали опухать. Ее личный врач посоветовал ей посетить Карлсбад (Карловы Вары), который славился своим целительным влиянием на различные недуги. После посещения курорта вместе с супругом наступило кратковременное облегчение, и Филиппина могла снова исполнять свои обязанности хозяйки замка. Но вскоре болезнь обострилась. Она держалась мужественно, не показывала виду, что ей тяжело подолгу стоять, что что-то щемит в груди и ей не хватает воздуха, порой ей приходилось спать сидя. Как раз в этот момент большим ударом для Филиппины стала смерть тетки Катарины, которая много лет была ее опорой и советчицей.

Однажды ночью пятидесятирехлетней Филиппине стало настолько плохо, что она срочно послала за своим священником. Успев исповедоваться и причаститься перед смертью, она попрощалась с мужем, детьми и братом. Она также попросила, чтобы никто из прислуги не потерял своего места в связи с ее смертью. И напоследок она обратилась вслух к Богу: «Господи, я согрешила против неба и пред тобою, я недостойна называться твоей дочерью». Потом она попросила подать ей крест, личный подарок Папы, прижала его к себе, счастливо улыбнулась и сказала печальному мужу, сидящему на краю ее постели: «Я вижу что-то, что меня радует...»

Весть, о том, что «матушка Филиппина» умирает, быстро разнеслась по окрестностям. Людской поток устремился к замку. Все хотели увидеть ее в последний раз. И для каждого умирающая Филиппина находила доброе слово или улыбку, хотя силы покидали ее.

Не только вдовец был безутешен. Скорбь людей в связи с ее смертью была настолько велика, что на несколько недель по всему Тиролю были отменены увеселительные мероприятия, танцы и игра на музыкальных инструментах, ограничены свадебные церемонии. А на ее похороны собралась не только вся знать Тироля и Баварии, но и крестьяне, ремесленники, поденщики. Многие пришли издалека.

Сыновья Филиппины получили титулы маркграфов фон Бургау. Андреас стал кардиналом, Карл военным. Женат из братьев был только Карл. И так как оба брата имели только внебрачных детей, то их земли после смерти отошли Габсбургам.

Фердинанд пережил Филиппину на 15 лет. Через два года после ее смерти он женился еще раз, на шестнадцатилетней принцессе королевских кровей. Возможно, по приказу брата императора, возможно, чтобы произвести на свет сына, который бы унаследовал его титул и земли. Но так как в этом браке родились только дочери, то после его смерти земля Тироля тоже отошла короне. Одна из его дочерей от второго брака, Анна, стала впоследствии женой императора Священной Римской империи Маттиаса.

Что осталось после Филиппины? Ее книги рецептов блюд и народных методов лечения. Эти книги неоднократно переиздавались.

Жарким летом 1564 года давно хворавший император Фердинанд скончался, и на престол Священной Римской империи вступил его старший сын Максимилиан II, ранее уже провозглашенный королем Венгрии и Чехии. Это был странный государь. Его религиозная

терпимость, переходящая в равнодушие к предметам разногласий между католиками и протестантами, представлялась людям XVI века чем-то из ряда вон выходящим.

Максимилиан утверждал, что он католик, но почти не появлялся на мессах. Среди его друзей было множество протестантов. Юность Максимилиана прошла в Австрии и Нидерландах и была весьма вольной: принц и его приятели охотно посещали турниры, где мерялись силой, часто устраивали пирушки, участвовали в карнавальных процессиях, а по ночам, скрывшись под масками, охотились на женщин и девушек. При этом Максимилиан не был легкомысленным: он знал множество языков, много читал, однако из прочитанного делал выводы, которые не могли не настораживать его отца и всю католическую партию. Ведь умозаключения эти сводились не только к неизбежности, но и к необходимости и благотворности религиозной и вообще духовной свободы. Опасения Фердинанда I были так сильны, что в письме сыну он предупреждал: «Верь мне, что если ты будешь и дальше вести себя так, как начал, то навсегда потеряешь свою душу, честь и репутацию...»

Женитьба Максимилиана на двоюродной сестре, дочери Карла V Марии, стала первым из серии брачных союзов, связавших австрийских и испанских Габсбургов. Брак по расчету неожиданно обернулся глубокой привязанностью, которую супруги сохранили до конца своих дней, их семейная жизнь была весьма счастливой. Как и его отец, Максимилиан II имел множество детей, из которых выжили девять, в том числе шестеро сыновей. Интересно, что ни один из них не имел законнорожденных отпрысков, что и привело к пресечению старшей мужской линии Габсбургов – прямых потомков Фридриха III.

Некоторое время после свадьбы Максимилиан жил в Испании. Строгий и довольно унылый придворный церемониал, чопорность испанских вельмож, слишком жаркий климат – все выводило его из себя. К тому же отношения с Филиппом, братом его жены Марии, у австрийского принца не сложились, ибо замкнутый и надменный Филипп был олицетворением испанской гордости, да и чрезмерная набожность кузена не слишком импонировала Максимилиану. Враждебность к Испании вылилась у Максимилиана в подчеркнутую «немецкость» его поведения и усилила его симпатии к протестантам.

В конце 1550-х годов эти симпатии привели к открытому конфликту между Фердинандом I и его сыном. Император, побуждаемый фанатичным Папой Павлом IV и Филиппом Испанским, требовал от Максимилиана торжественной клятвы верности католической церкви. С политической точки зрения Фердинанд был прав: курфюрсты никогда не избрали бы императором не католика. Поколебавшись, принц сдался и помирился не только с отцом, но и с Филиппом, к которому несколько лет спустя даже отправил на воспитание двух своих сыновей – Рудольфа и Эрнста. Однако внутренне Максимилиан, несомненно, продолжал симпатизировать учению Лютера и поддерживал довольно тесные связи со многими протестантскими князьями. Это, в свою очередь, было политически верным шагом, поскольку давало королю, а затем императору возможность быть олицетворением религиозного компромисса и мира. Подобная роль импонировала Максимилиану II еще и потому, что соответствовала его настроениям. Свое политическое кредо этот монарх-гуманист выразил так: «Религиозные споры, – писал он, – можно разрешить не силою меча, а лишь Божьим словом, христианским милосердием и справедливостью».

Это мнение разделяли немногие католики и протестанты. Задуманная императором реформа католической церкви, допускавшая браки священников и участие мирян в богослужении (то есть сближавшая католицизм с лютеранством), встретила ожесточенное сопротивление Рима и ультракатолической партии в самой империи. Кроме того, и протестанты уже не были едины, в их землях быстро разрастался конфликт между последователями Лютера и приверженцами более радикального женева проповедника Жана Кальвина. Разные виды протестантизма получали все большее распространение в Чехии, Венгрии и даже в Австрии – сердце наследственных владений Габсбургов. Новая религиозная война могла вспыхнуть

в любой момент, тем более что дурной пример в этом отношении подавала Франция, где с начала 1560-х годов то разгорались, то утихали столкновения между католиками и протестантами-гугенотами.

Император со своими терпимыми и гуманистическими взглядами оказался, с одной стороны, совершенно одинок, а с другой – недостаточно силен и политически изошрен, чтобы найти возможное решение сложнейшей задачи – долговременного сохранения единства и мира в империи. Осудив решение Папы отлучить от церкви английскую королеву Елизавету I (1570), а затем столь же резко отозвавшись о Варфоломеевской ночи – резне гугенотов в Париже в августе 1572 года, Максимилиан II окончательно испортил отношения с Римом. Призывы к сдержанности, с которыми он обращался к Филиппу, затеявшему войну с «еретиками» в Нидерландах, привели к новому австро-испанскому охлаждению. Делу не помогла даже женитьба Филиппа на одной из дочерей Максимилиана, Анне Австрийской, наконец-то подарившей испанскому королю наследника.

На протяжении всего своего относительно недолгого царствования Максимилиан II балансировал между католиками и протестантами, миром и войной, единством и хаосом. Его попытка расширить владения Габсбургов провалилась: претензии Максимилиана на польский трон остались неудовлетворенными, польская шляхта предпочла Стефана Батория. Единственной политической задачей, которую императору удалось успешно решить, стало сохранение за Габсбургами императорской короны: в 1575 году его старший сын Рудольф был коронован римским королем.

Осенью 1576 года Максимилиан созвал очередной рейхстаг в Регенсбурге. Тяжело больной, он еще успел произнести перед участниками имперского съезда речь, в которой в очередной раз призвал князей и сословия к согласию, порядку и миру. Закончив последнюю фразу, император потерял сознание, и слуги вынесли его из зала. Агония продолжалась несколько дней. Набожная императрица Мария в слезах умоляла мужа собороваться и исповедаться, как подобает доброму католику. «Мой исповедник – на небесах», – ответил Максимилиан. Так он и умер, унеся в могилу загадку своей подлинной веры.

Историческая память человечества отличается странной избирательностью, и кровавых тиранов люди порой помнят дольше и почитают сильнее, чем правителей-гуманистов. Неудивительно, что в историю Максимилиан II вошел как доброжелательный, но слабый чудака, «странный» или «загадочный» император, облик которого теряется, с одной стороны, в тени великого предка – Карла V, а с другой – в зареве уже относительно недалекой Тридцатилетней войны.

Так закончилось восхождение династии Габсбургов к вершине своего могущества.

Впереди было множество событий: войны, победы и поражения, революции, реформы, браки, рождения и смерти, убийства и самоубийства.

А что же вороны, с которых началась история бедствий одной из самых могущественных династий мира?

Последний раз вороны дали знать о себе уже в XX веке. В 1914 году, незадолго до начала Первой мировой войны, эрцгерцогиня София, супруга эрцгерцога Франца Фердинанда, в ясный, солнечный день ехала в открытом авто, как вдруг увидела над собой стаю огромных черных птиц.

Вернувшись во дворец, она умоляла мужа отменить их поездку в Сараево. Однако тот решил быть выше диких суеверий. И в скором времени в столице Боснии его настигли пули террориста Гаврилы Принципа. Во время покушения над улицей, где проезжал автомобиль четы, кружила стая воронов.

В 1918 году Карл I, последний император из рода Габсбургов, был свергнут с престола. 3 апреля 1919 года Учредительное собрание Австрийской Республики приняло закон о лише-

нии Габсбургов всех прав и об изгнании их за границу. Карл скончался на острове Мадейра 1 апреля 1922 года. В день его похорон к могильному склепу Габсбургов в венской Капуцинер-кирхе слетелось множество черных птиц.

В последний раз проклятие, тяготевшее над родом Габсбургов, дало о себе знать через 15 лет после сараевских событий. В апреле 1929 года венская полиция была вынуждена взломать дверь квартиры, из которой доносился едкий запах светильного газа. В помещении были обнаружены три трупа, в которых стражи порядка опознали праправнука императора Франца Иосифа, его мать Елену Реш и его бабушку. Все трое, как показало следствие, покончили жизнь самоубийством...

Пражский отшельник: Рудольфинцы, астрономия, астрология и многое другое

Австрийская династия Габсбургов более 400 лет правила Чехией, как, впрочем, и многими другими землями Центральной и Восточной Европы, которые Габсбургам удалось объединить в огромную пеструю империю. С 1526 года, когда чешские сословия предложили корону Фердинанду I Габсбургу, до 1918-го, когда после поражения в Первой мировой войне Австро-Венгерская империя распалась, на чешском троне сменились 17 представителей этой династии. Отношения между чехами и их габсбургскими государями никогда не были простыми. Некоторые монархи этой династии ограничивали исторические свободы чешских земель, вели германизаторскую политику, другие были слишком пассивны, третьи, напротив, правили энергично и мудро... Но лишь один Габсбург, Рудольф II, оказался так тесно связан с Чехией и ее столицей, что и через 400 лет после смерти он остается одним из символов Праги.

По преданию, незадолго до смерти, окруженный врагами, вынудившими его отказаться от чешской короны, Рудольф воскликнул, обращаясь к городу, где он провел большую часть жизни: «Прага, неблагодарная Прага, я принес тебе славу, а ты нынче отвергаешь меня, своего благодетеля...». Однако в своих бедах император должен был винить не «неблагодарный» город и его жителей, а главным образом самого себя. Ведь его долгое правление было, несомненно, незаурядным, весьма оригинальным и даже странным – словом, каким угодно, только не политически успешным.

Рудольф II у исследователей имеет репутацию одного из самых загадочных монархов. И дело не в том, что он окружил себя необычными личностями, а скорее в том, что так называемый Универсум, ключи к которому они искали, был, по представлению рудольфинцев,³ не до конца проявленным, как бы зашифрованным, недосказанным.

Родился Рудольф II 17 июля 1552 года в Вене в семье императора Максимилиана II Габсбурга и Марии Испанской, дочери императора Карла V. Это был брак кузенов – событие отнюдь не редкое в Средние века, да и в Новое время. Мина замедленного действия, предопределившая судьбу Рудольфа, если можно так сказать, была заложена в генетике. Его прабабушка – Хуана ла Лока (Безумная) – была душевнобольной.

«Сатурнинский император», как называли Рудольфа II, появился на свет 18 июля 1552 года в 18:45 в Вене. Гороскоп младенца составил Нострадамус и послал отцу Рудольфа, императору Максимилиану II. В части, связанной с толкованием натальной карты⁴ Рудольфа, Нострадамус дал подробный анализ гороскопа, при этом предпослал ему аллегорическую исто-

³ Рудольфинцами называли ученых, которых пригласил работать в Прагу король Чехии и император Священной Римской империи Рудольф II. В их круг входили католик астроном Тихо Браге и молодой протестант немецкий астроном и математик Иоганн Кеплер. В Праге у Рудольфа полгода жил и издал свое сочинение, посвященное системе Раймунда Луллия, и скандально известные «Сто шестидесят тезисов против современных математиков и философов» Джордано Бруно. В Пражском Граде под покровительством Рудольфа II ученые искали ключ к познанию Универсума, естественного единства Природы и Человека. В кругу рудольфинцев занимались науками, чтобы выработать новую концепцию мироздания.

⁴ Натальная карта – это персональный гороскоп, который рассчитывается с учетом даты, времени и места рождения человека. Для составления этого гороскопа специальные карты с изображениями расположения небесных тел в момент рождения человека накладывают на специальную таблицу со знаками зодиака, начерченную в виде круга. Далее астролог оценивает положение луны, влияние звезд, находящихся в разных фазах, и делает множество отметок. В результате такого процесса и появляется персональный гороскоп, который называется натальная карта. Этот гороскоп характеризует судьбу человека: заложенные в нем возможности, склонности и обстоятельства жизни. Таким образом, можно предположить, какими чертами характера будет обладать человек, как будет общаться с окружающими, какие у него будут достоинства и недостатки. Кроме того, натальная карта указывает на положительное и негативное влияние планет на жизнь человека, на благоприятные и опасные даты. Традиционно, возникновение натальной карты связывают с Древним Египтом.

рию о судьбе Асклетариона, придворного астролога императора Домициана, намекая на то, что астрологи, предсказывающие судьбу императору, обычно плохо заканчивали свою жизнь. После напоминания о печальной истории Асклетариона, Нострадамус дал детальное описание судьбы принца Рудольфа и самого Максимилиана. Астролог «предсказал» даты смерти императора Максимилиана и продолжительность жизни его наследника, будущего императора Рудольфа II. Он отвел Рудольфу семьдесят два года земной жизни, но Рудольф прожил только шестьдесят лет.

На первый взгляд гороскоп Рудольфа – это типичный «королевский гороскоп» с Солнцем во Льве и Луной в Раке под горизонтом. Однако в гороскопе принца присутствовал Сатурн, он был управителем гороскопа Рудольфа, и при этом положение планеты было крайне неблагоприятным, такой Сатурн, согласно учениям древних, истинно зловещий, сулит изначально беспричинную гибель и несчастья. Нужно отметить, что император Рудольф родился за два дня до солнечного затмения, а в астрологии это считается негативным фактором, ослабляющим жизненную силу. Убывающая Луна указывала на болезненность, физическую и психическую слабость, возможно, даже на душевную болезнь. И действительно, душевное заболевание, проявлявшееся лишь время от времени, развилось у Рудольфа в полную силу в 1580 году. Он страдал бессонницей, отсутствием аппетита, повышенной утомляемостью, его мучала депрессия. Современные врачи, опираясь на данные психиатрии XX столетия, высказали мнение, что у императора начинался развиваться маниакально-депрессивный психоз.

Воспитывался Рудольф при дворе отца в Вене, в атмосфере относительно мирного сосуществования представителей различных конфессий, что наложило отпечаток на его будущие устремления и вкусы. Многие историки говорят о скрытой приверженности Максимилиана II учению Эразма Роттердамского и потакании кальвинистам. Ему, как утверждают некоторые исследователи, даже нравилось реформатство, и он с удовольствием слушал протестантских проповедников. А тогда в Чехии протестантов было большинство, но они, к сожалению, были раздроблены: наряду с гуситами-чашниками, здесь уже были лютеране и протестанты кальвинистского толка, и, кроме того, заявляла о себе «Община чешских братьев», которую не признавала и преследовала, главным образом, государственная власть – правители, начиная с Йиржи Подебрада. Интеллектуалы – ученые, художники и музыканты – тоже постоянно появлялись в Хофбургском дворце, поэтому не удивительно, что науки и искусство всю жизнь привлекали Рудольфа.

В 1563 году в жизни десятилетнего Рудольфа произошел крутой поворот: на династическом совете было принято решение отправить их с братом Эрнстом в Мадрид, ко двору родного дядюшки – короля Филиппа II. Произошло это по настоянию его матери Марии, испанской принцессы, сестры испанского короля Карла V, которая была кузиной (двоюродной сестрой) своего супруга Максимилиана, отца Рудольфа. Максимилиан, если судить по строгим испанским канонам, был не столь ревностным католиком, как хотелось его испанской родне. Поэтому мать Рудольфа, испанка по происхождению, не хотела, чтобы ее сын перенял религиозную мягкость своего отца Максимилиана. Рудольфа обучали, главным образом, иезуиты. Он говорил по-кастильски, одевался по-испански (впрочем, в тогдашней Европе была такая мода), усвоил возвышенные манеры двора и твердое убеждение в божественном происхождении своей власти. Воспитание, которое эрцгерцоги получили в строгой и чопорной католической Испании (где иезуиты имели немалый вес), без сомнения, сыграло немалую роль в их судьбе. Именно оттуда берет свое начало пристрастие Рудольфа к тяжеловесной церемониальности, к сокрытию, даже табуированности для простых смертных, самой фигуры монарха. Можно с уверенностью сказать, что годы пребывания при дворе Филиппа II наложили неизгладимый отпечаток на манеры и наружность будущего императора. В последующем Рудольфу постоянно ставили в вину его высокомерие, грубость, привычку молчать и не любили за строгое исполнение этикета. Современники, впрочем, не отказывали ему в некоторых достоинствах. Так, пишут, что

император на всех производил впечатление интеллектуального, начитанного, разностороннего человека. «Он обладал глубоким умом, был дальновидным и рассудительным, обладал сильной волей и интуицией... Однако ему был присущ такой серьезный недостаток, как робость, причиной которой была его склонность к депрессии. На этой основе у него развилось стремление к бегству от действительности, выражавшееся в нереальных планах. Испанские придворные манеры поощряли его стремление отгородиться от мира, и политическая пассивность становилась все более характерным признаком его правления» – писал немецкий историк Фолькер Пресс. С юных лет Рудольф отлично владел немецким, латинским, испанским, итальянским, французским языками. По свидетельствам современников, он общался на «славянском языке» с московской миссией царя Федора Иоанновича, который послал ему в дар меха (Рудольф распродал их в нескольких городах Европы, получив около миллиона талеров). Выбрав своей резиденцией Прагу, Рудольф приложил немало усилий, чтобы овладеть языком своих чешских подданных. Начиная с 1571 года у Рудольфа был учитель чешского языка Севастьян Паховский из Платина.

В Испании Рудольфа обручили с трехлетней дочерью Филиппа II Изабеллой Кларой Евгенией. Дядя готовил его к управлению Испанским королевством, так как после трагической смерти в 1568 году сына, дона Карлоса, у него не осталось прямых наследников мужского пола. Династия Габсбургов находилась в зените своего могущества и боялась упустить «испанское наследство». Однако в 1570 году вторая супруга короля Анна Габсбургская (кстати, родная сестра Рудольфа) родила королю долгожданного сына – также Филиппа, и обещание дяди повисло в воздухе. Более того, много лет спустя, в 1598 году, испанский король обручил любимую дочь с самым младшим братом Рудольфа, Альбрехтом, назначив того еще и своим наместником в Нидерландах. Это была уже настоящая пощечина самолюбию несостоявшегося испанского владыки, после чего даже упоминание об Испании и пиренейских родственниках стало запретной темой при его дворе.

Проведя в Испании 8 лет, весной 1571 года уязвленный восемнадцатилетний Рудольф вернулся в Вену. Отец, император Максимилиан II, увидел в старшем сыне излишнюю жесткость и религиозную нетерпимость, а мать Изабелла, напротив, – редкую в Вене тех лет изысканность и утонченность. Что же касается политических уроков дяди Филиппа Испанского, то Рудольф их хорошо запомнил, и его манера правления отличалась сдержанностью и скрытностью, он вел себя так даже с ближайшими помощниками и родственниками. Кроме того, подобно Филиппу, Рудольф ненавидел путешествия и был закоренелым домоседом.

Отец, уже смертельно больной, приложил немало усилий для утверждения преемственности власти. В условиях усиления конфессиональной вражды в империи и противостояния в совете курфюрстов, где католики и протестанты никак не могли найти общий язык, Максимилиану было крайне важно найти компромиссное решение. И ему удалось убедить курфюрстов-протестантов (их было трое) проголосовать за кандидатуру Рудольфа, пообещав им за это немалые преимущества. 21 сентября 1572 года Рудольф принял венгерскую корону святого Иштвана в Пресбурге (современная Братислава). Через три года настал черед Богемии (Чехии) – 22 сентября 1575 года в соборе Святого Вита на голову Рудольфа была возложена корона святого Вацлава.

Де-факто Рудольф уже был императором, но де-юре он им стал только 2 ноября 1576 года, во время проведения имперского съезда в том же Регенсбурге, после смерти своего отца. Процедура введения в императорское достоинство проходила в городе, где постоянно проводились имперские съезды, то есть изначально подчеркивалось широкое представительство на коронации делегатов от разных сословий и адептов враждующих конфессий. Это были многие сотни гостей, напряженно присматривающихся к фигуре монарха и фиксирующих каждый его шаг. Стоит отметить, что Максимилиан II впервые примерил императорскую корону во Франкфурте, как и преемник Рудольфа II – Маттиас I, а не в Регенсбурге.

Похороны Максимилиана состоялись в Праге, только через пять месяцев, 20 марта 1577 года, и... завершились грандиозным скандалом, в котором многие современники слышали мистические нотки. Во время прохождения процессии по Староместской площади знаменосец уронил штандарт. Древяно ударилось о мостовую, в торжественной тишине раздался резкий звук, весьма похожий на выстрел. Буквально в доли секунды вспыхнула настоящая паника, и все бросились искать спасения в окрестных домах и переулках. Молодой Рудольф, всеми покинутый, остается в одиночестве и страхе у гроба своего отца. Не правда ли, странное знамение в самом начале правления? Долгие часы Рудольф безуспешно умолял образумиться парализованных от страха сановников. Возможно, у протестантов возникли ассоциации с недавней Варфоломеевской ночью в Париже, когда католики вырезали тысячи гугенотов?... Мир, в котором вдруг оказался молодой Рудольф, был полной противоположностью его предыдущего окружения. В Чехии преобладали не католики, впрочем, только в количественном отношении. Католиков же хотя и было меньше, зато они были хорошо организованы. В Вене находилась королева, вдова Мария, строгий католицизм которой ни в чем не уступал ее испанскому происхождению. И это служило опорой для католиков в Праге, представлявших собой весьма монолитную группировку. Их центром стал Пернштейнский дворец на Градчанской площади. Его владелец, известный чешский дворянин Вильям из Пернштейна, во время своей дипломатической миссии в Испании женился на Марии, урожденной Манрике де Лара. Вокруг этой фанатичной католички объединилось дворянское католическое общество, и при участии испанского посла и папского нунция строились козни против не католиков. Поликсена, молоденькая дочь Пернштейна, далеко не из религиозных побуждений вышла замуж за старого и больного Вильяма из Рожмберка, богатейшего чешского магната и фанатичного католика. Когда Вильям из Рожмберка умер, на молодой красивой вдове женился другой член «испанской» католической партии Чехии – Зденек Войтех Попел из Лобковиц. И снова далеко не из религиозных побуждений. В качестве приданого Поликсены он получил имение Роудницена-Лабе, и, кроме того, этот брак помог ему после поражения сословного восстания попасть на вершину политической власти и войти в доверие к Габсбургам. Целью Габсбургов, всецело опиравшихся на католическую церковь, была в тот период рекатолизация всех подвластных им земель.

Как и повсюду, в Чехии надежными помощниками контрреформации стали иезуиты. Члены ордена, основанного отставным испанским офицером Игнатием Лойолой, начинали очень незаметно. Они учредили в Праге колледж – Клементинум (ныне здесь находится университетская библиотека), и их школа пользовалась хорошей репутацией. Подтверждается это и тем, что сюда стали посылать детей и не католики. Однако со временем иезуиты печально прославились тем, что они насильно заставляли не католиков принять «истинную веру».

Вот в такое время и в такой атмосфере двадцатичетырехлетний Рудольф вступает на чешский престол. Вначале Рудольф нерешительно кочует между Прагой и Веной (традиционной резиденцией Габсбургов). Но в 1583 году он окончательно останавливает свой выбор на Праге, где и проводит почти безвылазно тридцать лет. Переезд императорского двора в чешскую столицу способствовал бурному развитию города. Вот что пишет биограф Рудольфа II, чешский историк Йозеф Яначек: «Большой пожар 1541 года привел к заметным перестановкам в городе и началу бурного строительства. Ренессансная архитектура с середины XVI века становится преобладающим стилем в Праге. Инициатива здесь принадлежала дворянству, но вслед за ним начали вести бурное строительство и зажиточные мещане. Так начался период ренессансной перестройки Праги, сильно изменивший прежний средневековый облик города».

Рудольф поощрял эти перемены и сам немало сделал прежде всего для обустройства своего дома – Пражского Града. Сам император поселился в Старом дворце, самой большой достопримечательностью которого являлся Вацлавский зал, длина которого составляла 62 метра. В XV веке этот зал считался самым большим светским помещением в Европе. Здесь избирались чешские короли и проводились рыцарские турниры. Чтобы рыцарь мог попасть на ристалище

в полном боевом облачении, не сходя с коня, к дворцу вела специальная лестница без ступеней – пандус.

Чешский сейм охотно выделял средства для ремонта Града, который вскоре начинает сиять первозданной красотой. И Рудольф правит отсюда чешским и венгерским королевством и Римской империей. По свидетельствам современников, Рудольф произвел в Праге хорошее впечатление. Его описывают как симпатичного мужчину среднего роста, с ухоженным лицом, приятного в обращении. Особенно подчеркивают его приветливость.

Англичанин Эванс, написавший монографию о Рудольфе II, утверждает, что мир знает трех Рудольфов. Первого – слабого правителя, который начал править по старой славной традиции, но после неудач в своей внутренней и внешней политике оказался пленником в собственном Граде. Второго – щедрого мецената, покровителя наук и искусств, художников и ученых. Художественные сокровища, собранные в Пражском Граде, не имели себе равных в тот период, когда коллекционирование было модой и страстью всех, кто мог себе это позволить. (Здесь необходимо сделать замечание о том, каким на самом деле было «щедрое меценатство» Рудольфа, в частности, в отношении Тихо Браге и Кеплера. Первому он пообещал 3000 дукатов в год, второму 1500 дукатов, что в то время являлось большой щедростью. Но пообещав, Рудольф уже не взял на себя труд проследить, получают ли оба астронома положенное жалованье, а они его не получали.) И, наконец, третий Рудольф, как утверждает Эванс, был иным, менее приятным. Таинственный, весь во власти оккультных наук, одурачиваемый мошенниками, проходимцами, такими, как, например, Келли, занимавшийся каббалистикой, герметизмом и другими подобными суевериями. Его навязчивые идеи граничили с помешательством. Каким был Рудольф II в действительности? Скорее всего, он представлял собой комбинацию из всех трех, описанных английским исследователем Рудольфов.

Через несколько лет после вступления на императорский трон Рудольф II серьезно заболел. С этого времени его физические и душевные недуги переплетаются в трагический клубок, в котором почти невозможно разобрать, что было причиной, а что – следствием. Очевидно, сыграла свою роль как генетика (прабабкой Рудольфа была безумная испанская королева Хуана), так и внешние обстоятельства – в частности, напряженные отношения с родственниками из младшей, штирийской ветви рода Габсбургов, имевшей большое влияние в Вене. Вероятно, это и послужило одной из причин переезда Рудольфа II и его двора в Прагу.

История правления Рудольфа – это, во многом, история его болезней. После болезни он сделался нелюдимым и замкнутым, стал тяготиться собраниями и приемами, перестал появляться на охотах, турнирах и праздниках. С годами в нем развилась мания преследования – панический страх перед ядом и порчей. Меланхолия порой сменялась буйными припадками бешенства, когда император вскакивал с места и принимался крушить мебель, статуи, часы, рвать картины и бить дорогие вазы. Его психическое состояние резко ухудшилось, он стал еще более мрачным, подозрительным, меланхоличным и склонным к неконтролируемым вспышкам гнева: «Людам, окружавшим императора, казались ненормальными многие его реакции, но его врачи колебались с диагнозом. Даже если они и понимали, что Рудольф страдает серьезным психическим расстройством, то не отваживались ясно сформулировать свою точку зрения. Между тем вспышки ярости, сменявшиеся периодами апатии и депрессии, все более ухудшали состояние императора».

Психическое состояние Рудольфа II сказалось как на ведении государственных дел, так и на личной жизни императора. Он выгнал своих гофместеров Траутзона и Румпфа, приблизив к себе людей совсем иного сорта – своего камердинера Филиппа Ланга, простого слугу Иеронима Маховского и даже некоего истопника. Вряд ли тут можно говорить о каком-то демократизме императора – скорее он просто окружил себя людьми, которые бессовестно льстили ему, потакали его прихотям и не досаждали повседневными делами, к которым Рудольф питал всё большее отвращение.

Вялый, апатичный человек, не любивший разбирать религиозные распри, далекий от государственного управления, он больше интересовался вземными делами – астрологией. Свою императорскую корону, сделанную для него в 1602 году уже после восшествия на престол в 1576 году, он практически не надевал. Такой она и сохранилась – по прямому назначению неиспользованной.

Со времен Средневековья императорские регалии некоторых австрийских монархов, чешских и венгерских герцогов и князей хранились в Нюрнберге. Власть в странах Восточной Европы того времени переходила по наследству, и коронация как законодательная, церковная процедура случалась не часто. Легитимной необходимости в таком торжественном государственном акте не было. И традиции коронации, как во Франции или Великобритании, ни на немецкой земле, ни на венгерской, ни на чешской не закрепились. Каждый влиятельный герцог, даже император, мог иметь свою личную корону, которую он надевал во время торжественных случаев. И каждый новый правитель изготавливал себе собственную. Императорскую корону Рудольф не наследовал, ему ее никто не передавал. Во время коронации ему дали корону Карла Великого, а потом отобрали. И только почти через 30 лет он приказал изготовить себе личную корону...

В 1602 году по случаю одного торжественного события ему потребовалось предстать в полном императорском облачении. И оказалось, что у него нет подобающей короны. В том же году из Антверпена в Прагу вызвали одного из самых известных ювелиров того времени – Жана Вермейена. Ему показали образцы имевшихся во дворце в Праге старинных корон. Потом повезли в Нюрнберг, где продемонстрировали другие короны и, в частности, корону Карла Великого. Нужно было сделать похожую, но которая соответствовала бы и новому времени, и величию императорского трона. Для работы он мог использовать большое количество золота, драгоценных камней и жемчуга. Мастер согласился. За основу он взял чешскую княжескую корону святого Вацлава.

Корона императора Рудольфа состояла из трех частей: венца, высокой дуги и митры. Венец символизировал королевскую власть. Он состоял из восьми лилий, которые геральдически были связаны с лилиями французской королевской династии Валуа. Цифра восемь в короне не случайна. Корона Карла Великого состояла из восьми пластин, поэтому цифра восемь для Рудольфа должна была «по наследству» стать счастливой. Митра состояла из двух частей, между которыми проходила дуга, как в короне Карла Великого. Митра была сделана из золота и разделена на четыре секции, на каждой изображены важнейшие события из жизни Рудольфа II: он стоит на коленях при вручении ему короны Карла Великого; как король Венгрии он въезжает для коронации в Пожони (современная Братислава); он, как король Чехии, во время коронационной процессии в Праге; и четвертая – его победа над турками, хотя сам император ни в одном из военных действий участия не принимал. На дуге была выгравирована надпись по-латыни: «Сделана для Рудольфа II, римского императора, короля Венгрии и Богемии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.